

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

И. С. ТУРГЕНЕВ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

IV

*К 200-летию И. С. Тургенева
(1818–2018)*

Москва — С.-Петербург
Альянс-Архео
2016

ПИСЬМА К ТУРГЕНЕВУ

ПИСЬМА А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА К ТУРГЕНЕВУ (1866–1869)

Публикация А. Г. Гродецкой

Хранящиеся в Рукописном отделе ИРЛИ 23 письма к Тургеневу Алексея Михайловича Жемчужникова (1821–1908), относящиеся к 1866–1869 годам, тургеневодам давно и хорошо известны: они в значительной степени использованы в комментариях к ответным письмам Тургенева в первом и втором изданиях его Полного собрания сочинений и писем. Биографический и творческий контекст переписки в общих чертах реконструирован в немногих работах, посвященных истории взаимоотношений Тургенева как с Алексеем Жемчужниковым, так и с его братьями — Николаем, Львом и Владимиром.¹

---

¹ См.: *Мостовская Н. Н.* И. С. Тургенев и А. М. Жемчужников (по материалам неопубликованной переписки 1866–1869 гг.) // Второй межвуз. тургеновский сб. Орел, 1968. С. 219–226 (здесь полностью опубликовано письмо Жемчужникова к Тургеневу от 18 (30) марта 1869 г.; в наст. публикации — письмо 18); *Александрова Л. М.* И. С. Тургенев и братья Жемчужниковы // Тургеновский ежегодник 2001 года. Орел, 2002. С. 48–52. *Жемчужников Николай Михайлович* (с 1879 Буда-Жемчужников; 1824–1909) — чиновник Министерства иностранных дел; *Жемчужников Лев Михайлович* (1828–1912) — живописец, гравер, автор мемуаров; *Жемчужников Владимир Михайлович* (1830–1884) — литератор, один из создателей образа Козьмы Пруткова; с 1868 г. высокопоставленный чиновник Министерства путей сообщения. См. о них: *Александрова Л. М.* Жемчужников В. М.; Жемчужников Л. М.; Жемчужников Н. М. // *Тургенев. НИИМ* (3). С. 364–366 (Материалы к Тургеновской энциклопедии). О Владимире Жемчужникове см. также ниже,

А. М. Жемчужников. Фотография Я. Мечковского.
Варшава, 1865 г. (?)

Ссылались на эти неизданные письма и исследователи творчества Жемчужникова.² Однако полностью письма Алексея Жемчужникова к Тургеневу не публиковались, и его «партия» в четырехлетнем эпистолярном диалоге³ двух

с. 609–616. Данные о знакомстве Тургенева с *Александром Михайловичем Жемчужниковым* (1826–1896), в сотрудничестве с братьями создавшим несколько ба-сен Козьмы Пруткова, отсутствуют.

² См., например: *Покусаев Е.* Алексей Михайлович Жемчужников // Жемчужников А. М. Избр. произведения / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. Е. Покусаева. М.; Л., 1963. С. 6 и др. (Б-ка поэта. Большая сер.). Далее — *Жемчужников*.

³ Публикуемые письма составляют часть более обширной переписки. О ее ранних этапах (до 1866 г.) сведений нет, позднейшие немногочисленные письма Жемчужникова, после 1869 г., не сохранились, ответы на них Тургенева — два письма 1870 г. и три письма 1877 г. — опубликованы (см. ниже). См. также первую публикацию: Письма И. С. Тургенева к А. М. Жемчужникову // *РМ*. 1914. № 1. С. 126–139.

русских писателей, живших вне России, но с постоянной мыслью о России, ниже воссоздается впервые.

«Я живу и умственно и сердечно в русской литературе, — писал Алексей Жемчужников Некрасову из Висбадена в 1870 году; — а пребывание мое за границей, которое хотя и имеет свою хорошую сторону и свои выгоды по образу жизни, который я здесь веду, лишает меня возможности говорить и рассуждать о том предмете, который составляет такой существенный элемент моей жизни».⁴

Скажем сразу, что подобных признаний в письмах Жемчужникова к Тургеневу нет. И менее всего, как ни странно, он расположен в них «говорить и рассуждать» о литературе. Совсем не напоминает Жемчужников в публикуемых письмах и создателя Козьмы Пруткова, в них нет ожидаемого блеска остроумия, иронии, игры словом и смыслом. Поразительно немногословный, их автор главным образом озабочен бытовыми вопросами — где и как жить и лечиться в Германии и Швейцарии его семье, его многочисленным, то и дело приезжающим из России родственникам. В этих вопросах Тургенев для Алексея Михайловича не просто искушенный знаток и советчик, но и безотказный помощник. Из письма в письмо он просит Тургенева то о присылке мази и ее рецепта для лечения племянниц, то о присылке журналов и газет. И Тургенев безотказно все эти просьбы выполняет.

С Алексеем Жемчужниковым Тургенев был знаком с середины 1850-х годов по петербургскому литературному кругу, сложившемуся вокруг «Современника» (скорее всего — с 1854 г., т. е. после появления в «Литературном ералаше» «Досугов» Козьмы Пруткова).⁵ После дебюта в 1850 году в журнале

---

⁴ Жемчужников А. М. Письма к Некрасову // ЛН. Т. 51–52. Кн. 2. С. 284. Письмо от 25 марта (6 апреля) 1870 г.

⁵ Жемчужников не упомянут в качестве участника этого круга ни И. И. Панаевым и А. Я. Панаевой, ни Д. В. Григоровичем, ни П. В. Анненковым в их известных воспоминаниях. Дружинин впервые упоминает его среди петербургских гостей Тургенева в записи от 10 декабря ст. ст. 1855 г. и год спустя сообщает: «Круг наш сходится чаще чем когда-либо, т. е. почти что всякий день. Центральные персоны — Боткин, Толстой, Анненков, сверх того Ермил (А. Ф. Писемский. — *Ред.*), Гончаров, Жемчужников, Толстой Алексей» (*Дружинин А. В. Повести. Дневник / Изд. подгот. Б. Ф. Егоров, В. А. Жданов. М., 1986. С. 361; см. также: Письма А. В. Дружинина к И. С. Тургеневу // Т и круг Совр. С. 201–202. Письмо от 26 декабря ст. ст. 1856 г.*). О вечере у Тургенева в конце декабря 1854 г. с участием Алексея и Владимира Жемчужниковых и затем об обеде у Б. М. Маркевича, где также присутствовали Тургенев и Алексей Жемчужников, А. К. Толстой подробно рассказал С. А. Миллер в письме от 3 января ст. ст. 1855 г. (см.: *Толстой А. К. Собр. соч.: В 4 т. М., 1964. Т. 4. С. 74–75; ср.: Летопись (1818–1858). С. 280. 17 февраля (1 марта) 1855 г. Тургенев и Жемчужников присутствовали на обеде, данном в честь П. В. Анненкова (см.: ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 418; Летопись (1818–1858). С. 285).*

Некрасова комедией «Странная ночь» (хотя стихи и пьесы Жемчужников писал и до этой публикации; часть из них не прошла цензуру) он выступает в печати и как автор комедий,⁶ и как лирик — преимущественно со стихами гражданской тематики, созданными в некрасовской традиции («Нищая», «Сказка о живых мертвецах», «Тяжелое признание» и др.). Характерный пример его гражданской лирики конца 1850-х годов — стихотворение «Мы долго лежали повергнуты в прах...»:

Мы долго лежали повергнуты в прах,
Не мысля, не видя, не слыша;
Казалось, мы заживо тлеем в гробах;
Забита тяжелая крыша...
Но вспыхнувший светоч вдруг вышел из тьмы,
Нежданная речь прозвучала, —
И все, вострепнувшись, воспрянули мы,
Почуяв благое начало. <...>⁷

Как заметит много позднее Я. П. Полонский, Жемчужников, уступая Некрасову «по таланту и влиянию», был «более, чем кто-либо из его современников, более чем сам Некрасов, искренним по своим тенденциям».⁸ Глубоко оригинально и другое наблюдение современника-поэта: «По-моему, Жемчужников замечателен не как поэт, а замечателен теми сторонами своей интеллектуальной жизни, которые мешали ему быть поэтом».⁹ Подлинное признание Алексею Жемчужникову принесла не лирика, а созданный им в 1854 году вместе с братом Владимиром и двоюродным братом Алексеем Толстым бессмертный образ Козьмы Пруткова.¹⁰ По мнению Б. Я. Бухштаба, «вне Пруткова его многолетняя литературная деятельность имеет в истории русской поэзии довольно скромное значение. Он писал и пейзажные, и любовные

---

⁶ «...Жемчужникова комедийка вздор <...>», — писал Тургенев Некрасову 16 (28) декабря 1852 г. в ответ на рекомендацию прочесть публикуемую в № 11 «Современника» «недурную комедию в стихах» «Сумасшедший» (*ПССиП*(2). *Письма*. Т. 2. С. 172).

⁷ *Жемчужников*. С. 88.

⁸ *Полонский Я. П.* «Стихотворения А. М. Жемчужникова». Критический разбор. Из отчета о девятом присуждении Пушкинских премий в 1893 году. СПб., 1893. С. 1–2.

⁹ Там же. С. 2.

¹⁰ Среди «прутковедческой» литературы (П. Н. Берков, Б. Я. Бухштаб и др.) см. богатую архивно-документальными материалами монографию: *Жуков Д. А.* Козьма Прутков и его друзья. М., 1983. О частичном участии П. П. Ершова в создании образа Пруткова см.: Там же. С. 261–267; см. также: *Прутков Козьма*. Полн. собр. соч. / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. Б. Я. Бухштаба. М.; Л., 1965. С. 27, 396 (Б-ка поэта. Большая сер.).

стихи, но не обладал достаточным лиризмом и сосредоточился преимущественно на „гражданской“ поэзии с сильным налетом либерального дидактизма». ¹¹

В 1859 году Жемчужников-поэт почти на десятилетие умолкает. «Мне казалось, — признавался он, — что мои стихи никому не нужны в такое серьезное время. Поэзия на „гражданские мотивы“ была бы очень уместна в эпоху пробуждения ума и совести. Я сознавал все высокое ее значение, и меня к ней тянуло; но эти песни пел тогда Некрасов. Они были так сильны и оригинальны, что тягаться с ними я, конечно, не мог, а вторить им, хотя бы и не фальшивя, было бы излишне. С другой стороны, так называемая „чистая“ поэзия, отрешенная от злобы дня, — возвышенна и прекрасна всегда. Такого времени, когда она могла бы оказаться ненужной, не бывает. Но я чувствовал, что моя муза не обладает ни лиризмом, ни красотой, которые я почитал необходимыми принадлежностями чистой поэзии. <...> Вот почему я тогда почти бросил писать стихи и обратился к прозе, так как делиться с обществом моими мыслями я все-таки чувствовал потребность». ¹²

Появившиеся в печати публицистические статьи Жемчужникова — «Современный просветитель народа», ¹³ «После похорон Сергея Тимофеевича Аксакова», ¹⁴ «Переходное время. Физиономии и силы» ¹⁵ — написаны со страстью и горечью. Размышляя в первой из них об «отрочестве нашего общественного разума и нравственности», Жемчужников признавал: «Есть сильное стремление к добру и какое-то сладострастное кошение во зле, есть служение чистоте и правде и обожание грязи и лжи <...>». ¹⁶ В последней статье он в крайне резких чертах определил главенствующие «физиономии» времени, отражающие «пошлость и порочность наших нравов». В особый разряд здесь, как и в других своих публицистических выступлениях, Жемчужников выделил тех, кто провозгласил себя «верными слугами и сынами отечества», создателей «учения о патриотизме»: «Разговор их не отличался разнообразием: в нем слышались все одни и те же слова, но слова эти были звучны: родина, добродетель, покорность, честь русского имени, религия, присяга, порядок, долг. Эти слова, подобно колоде карт в руках искусного игрока, с помощью подтасовки и передергиванья, приносили им великие выгоды. Многие из вер-

---

¹¹ Бухштаб Б. Я. Козьма Прутков // Прутков Козьма. Полн. собр. соч. С. 7. То же: Бухштаб Б. Я. Русские поэты. Л., 1970. С. 162.

¹² Жемчужников А. М. Автобиографический очерк // Жемчужников. С. 64–65. Очерк был написан для двухтомного собрания «Стихотворений», изданного поэтом в 1892 г.

¹³ *РВ*. 1858. № 5. Кн. 2.

¹⁴ *МВед*. 1859. 13 мая. № 112.

¹⁵ *РВ*. 1861. № 2.

¹⁶ Там же. 1858. № 5. Кн. 2. С. 126. Отд.: «Современная летопись».

ных сынов отечества, усердствуя на разных поприщах общественной или частной деятельности, основали свое благосостояние на разврате или нищете народа».¹⁷

Человек сороковых годов, каковым Жемчужников считал себя, он в максимализме своего отрицания был и остался идеалистом и мечтателем, признаваясь: «Я продолжал мерить людей и дела мерою сохранившихся в полной чистоте и неприкосновенности моих идеалов. Врожденная отзывчивость не дала душе моей заглухнуть».¹⁸

1858-й год стал рубежным в блестящей служебной карьере Жемчужникова. В этом году он подает в отставку. Сын гражданского губернатора Петербурга,¹⁹ выпускник Училища правоведения, где учился в 1835–1841 годах, Жемчужников последовательно занимал все более высокие государственные посты — от чиновника Сената, помощника юрисконсульта Министерства юстиции (1847–1849; с 1844 камер-юнкер) до помощника статс-секретаря Государственного совета (1855–1858).²⁰ «Я делю мою жизнь, — писал поэт, — <...> на два периода, резко отличающиеся друг от друга по внутреннему своему содержанию: до отставки в 1858 году и после отставки». И почти как Лев Толстой в поздние годы продолжал: «В первом периоде моей жизни я убил много времени даром. Жизнь чувственная часто преобладала совершенно над духовною».²¹ Аристократизм и знатность, принадлежность к высшему светскому обществу, привилегированность образования и службы стали у Жемчужникова основой той убежденной оппозиционности к любого рода сословным привилегиям, того глубокого демократизма, о которых он писал в набросках к автобиографической повести: «Мне равно близки общества придворное, чиновное, великосветское, литераторов, художников. Мне были равно доступны дворцы, скромные семейные квартиры, бедные комнаты в пятом этаже вход со двора, и деревянные старые одноэтажные домики

---

¹⁷ *РВ*. 1861. № 2. С. 763. В небольшой статье, посвященной С. Т. Аксакову, Жемчужников также вспомнил «проповедников того патриотизма, который поддерживается усердным соревнованием невежества ума с подлостью чувств» (*МВед*. 1859. 13 мая. № 112. С. 839–840).

¹⁸ *Жемчужников А. М.* Автобиографический очерк. С. 63.

¹⁹ *Жемчужников Михаил Николаевич* (1788–1865) — участник войны 1812 г., губернатор Костромской губернии (1832–1833), гражданский губернатор Санкт-Петербургской губернии (1835–1841); тайный советник, сенатор (с 1840 г.). См. о нем: *Жемчужников Александр*. О покойном отце // *ИРЛИ*. Ф. 265. Оп. 2. № 1023; *Записки В. М. Жемчужникова*. Из посмертных бумаг / <Вступит. ст. и публ. Л. М. Жемчужникова> // *ВЕ*. 1899. № 2. С. 634–664.

²⁰ См.: *Жемчужников А. М.* Автобиографический очерк. С. 61–62; см. также: *Войналович Е., Кармазинская М.* Жемчужников Алексей Михайлович // *Русские писатели*. Т. 2. С. 264; и др.

²¹ *Жемчужников А. М.* Автобиографический очерк. С. 62, 63.

в отдаленных линиях Васильевского острова».²² Чувство социального братства соответствовало лирической полноте переживания природного всеединства:

Я брат на земле всем живущим
И в жизнь отошедшим иную;
И, полон мгновеньем бегущим,
Присутствие вечности чую.²³

Поддержав с горячим энтузиазмом реформы начала 1860-х годов, Жемчужников был глубоко разочарован и подавлен несостоятельностью их результатов. Центральным символом реставрации российской «ночи» в середине 1860-х, воплощением реакции, торжества консерватизма, лжепатриотизма и сословно-дворянской идеологии стала для него фигура М. Н. Каткова. Сам поэт свое отношение к Каткову определил позднее как «*idée fixe*», именно так озаглавив вторую часть посвященной изобличению «московского пророка» поэмы «Пророк и я» (1868):

Я помню — чужд иным заботам,
Пророка вещие слова
Твердя на память, я под гнетом
Такой премудрости едва
Не изнемог... Дошел я скоро
Уж до того, что разговоры, —
С кем ни случился бы вдвоем, —
Все вел о нем лишь да о нем.²⁴

Действительно, «*idée fixe*» присутствовала даже в его письмах к жене, в которых он, например, признавался: «...атмосфера, созданная „Московскими ведомостями“ в Москве, слишком гнетет меня и душит <...>»; «...Москва возвысила Каткова, стало быть, в ней нет ни ума, ни гражданского чувства, ни просто нравственного чутья». И ей же он писал из Петербурга: «Здесь на улицах чисто и светло! Фонарных столбов больше, чем в Москве патриотических мудрецов, и столбы эти гораздо их умнее».²⁵ Неприятие Жемчужниковым Каткова представлялось современникам, и, вероятно, не без оснований, избыточно эмоциональным, прямолинейным. Так, Полонский,

²² Цит. по: Покусаев Е. Алексей Михайлович Жемчужников. С. 19.

²³ Жемчужников. С. 88 («Восторгом святым пламеня...»).

²⁴ СПбВед. 1870. 30 января. № 30. С. 3. Цит. по первой публикации, отличающейся от окончательной редакции, в том числе в заглавии второй части: «*Idée fixe*» — вместо позднейшего: «Я»; ср.: Жемчужников. С. 294–297.

²⁵ РГБ. Ф. 101. 4814.4. Л. 79, 90, 91; датируются предположительно 1863 г. О Е. А. Жемчужниковой см. ниже.

Поэма А. М. Жемчужникова «Пророк и я». Первопечатная редакция. (Санкт-Петербургские ведомости. 1870. 30 января. № 30)

редко читавший, по собственному признанию, «Московские ведомости» «во дни их славы», считал, что Жемчужников без достаточных оснований «дарит противника идей своих такой завидной ненавистью».²⁶ И в целом Жемчужников как поэт, в представлении Полонского, «до того субъективнее, что видеть предметы с разных сторон и относиться к ним объективнее или спокойнее он не может». По его же свидетельству, в середине 1860-х годов «упования Жемчужникова на людей, которым он верил, сменились досадой, а может быть, и тайным отчаянием».²⁷ Отъезд его из России был предопределен.

Нельзя не учитывать, что отъезд за границу, как, вероятно, и творческое бездействие в течение нескольких лет, были связаны у Алексея Михайловича, помимо неприятия пореформенной российской действительности, со смертью

²⁶ Полонский Я. П. «Стихотворения А. М. Жемчужникова». Критический разбор. С. 20. С. М. Сухотин в своих записках писал о «страшном раздражении милого и умного Алексея <Жемчужникова> против Каткова и дворянства» (Из памятных тетрадей С. М. Сухотина // РА. 1894. № 2. С. 235; фамилия в тексте журнальной публикации заменена точками).

²⁷ Полонский Я. П. «Стихотворения А. М. Жемчужникова». Критический разбор. С. 20, 8.

двоих детей. А. Н. Плещеев, знавший Жемчужникова со второй половины 1840-х годов, потерявший в начале 1864-го жену²⁸ и благодарный поэту за поддержку в тяжелые дни, в одном из писем к нему писал: «Дорогой Алексей Михайлович! И к вам тоже заглянуло горе! Только ныне узнал я об этом от И. С. Аксакова и не могу вам сказать, как грустно мне было услышать это. Я был почти убежден в счастливом исходе болезни вашей славной Маруси <...>. Верьте, что тот, кто сам разбит и измят жизнью, более чем всякий другой способен понять ваше настоящее положение и сочувствовать вам. Не пришел я к вам единственно потому, что не знал об опасном положении Маруси <...>. Еще вчера я, ничего не подозревая, уговаривал Тургенева, который здесь проездом, поехать к вам. — И вот вдруг — что случилось. Дай Бог, чтобы ваша поездка хоть сколько-нибудь помогла вам — не забыть горе, потому что эти вещи не забываются, — а успокоиться».²⁹ Судя по данному письму, отъезд Жемчужникова с семьей за границу был уже к этому времени намечен. Осенью 1865 года жившая за границей с дочерьми Ольгой и Лидией и сыном Мишей жена поэта несколько раз пишет ему в Петербург о болезни сына и необходимости везти его за границу для лечения. Но осенью того же 1865 года умирает и пятилетний сын Жемчужниковых.³⁰ Видимо, эта вторая смерть, как и обеспокоенность здоровьем старшей дочери,³¹ укрепила мысль об отъезде из России. Жемчужников покидает Россию в 1866 году,³² вернется он только в 1884-м.

---

²⁸ С Плещеевым Жемчужников был знаком по «пятницам» М. В. Петрашевского (см.: *Бухштаб Б. Я.* Русские поэты. С. 162; *Войналович Е., Кармазинская М.* Жемчужников Алексей Михайлович. С. 265). Жена Плещеева — *Еликонида Александровна Плещеева* (урожд. Руднева; ум. 1864).

²⁹ Письма А. Н. Плещеева к А. М. Жемчужникову // *РМ.* 1913. № 7. С. 116–117. Письмо от 1 июля <1865 г.>. В публикации дата была ошибочно прочитана как 1 июня (б/г), с пометой: «Москва». Между тем Тургенев именно в последних числах июня — первых числах июля ст. ст. 1865 г. был проездом в Москве и Петербурге по пути в Берлин, а затем в Баден-Баден. Письмо помогает установить и предположительную дату смерти дочери Жемчужникова Марии — июнь 1865 г. С упомянутым в письме И. С. Аксаковым Жемчужникова связывала многолетняя дружба, начавшаяся в Училище правоведения, где Аксаков учился в 1838–1842 гг.

³⁰ Письма Е. А. Жемчужниковой к мужу из Парижа, Варшавы и Гродно от 2 (14), 7 (19) и 12 (24) сентября 1865 г. см.: *РГБ.* Ф. 101. 4814.6.4; здесь же фотография *Михаила Жемчужникова* <1860–1865 гг.>: Там же. 4813.40. *Жемчужникова Ольга* (в первом браке Рорец, во втором Баратынская; 1859–1920); *Жемчужникова Лидия* (1860–1887).

³¹ Об этом см.: *Войналович Е., Кармазинская М.* Жемчужников Алексей Михайлович. С. 266.

³² Год отъезда указан поэтом в авторском примечании к газетной публикации поэмы «Пророк и я». Подробнее см. ниже, примеч. 58.

Алексей Михайлович с семьей приехал в Баден-Баден в феврале 1866 года.³³ Здесь и происходит его сближение с Тургеневым, с этого же времени становится регулярной их переписка. В мае — июне 1866 года Жемчужников находится в Швальбахе, неподалеку от Франкфурта, на одном из популярных немецких курортов с минеральными источниками, откуда пишет Тургеневу (см. письма 1–3). После летнего путешествия по Европе он предполагает вернуться в Россию, хотя ему «на родину покуда совсем не хочется» (письмо 1). Его сообщение о решении остаться в Бадене на зиму (в несохранившемся письме) Тургенева искренне радует. «Ваше намерение провести зиму в Бадене <...> очень приятно для всех нас <...>», — пишет он Жемчужникову 7 (19) октября.³⁴ В Баден-Баден Жемчужниковы возвращаются в ноябре 1866 года, и именно с ноября, как можно судить по письмам и запискам Тургенева, их встречи становятся частыми. Алексея Михайловича с женой Тургенев не раз приглашает на «музыкальные сеансы» в доме Полины Виардо и на баденские концерты.³⁵

Жемчужниковы живут в Бадене до начала января 1868 года,³⁶ исключая летний период 1867-го, когда семья находится неподалеку от Бадена на станции Оттерсвайер (см. письма 4, 5), и затем переселяются в Гейдельберг. После лета, проведенного в местечке Невшаталь в Швейцарии, семья с осени 1868-го до весны 1869 года живет в Штутгарте и следующей осенью переезжает в Висбаден.

К 1866 году относится недолгое сближение между Тургеневым, Жемчужниковым и М. В. Авдеевым, жившим в начале весны в Баден-Бадене, затем в Содене (до неожиданного отъезда той же весной в Россию).³⁷ Продолжившаяся после встреч и бесед в Бадене переписка сохранила ряд ценных сведений об отношении каждого к ситуации в России после выстрела Д. В. Каракозова и к событиям в газетно-журнальном мире. Жемчужников в это время строит планы издания литературно-политического журнала или газеты, и Авдеева эта идея увлекает. Уже по возвращении в Россию, в Уфу, где он продолжил отбывать ссылку,³⁸ Авдеев просит Тургенева прислать ему адрес Жемчужникова. 22 декабря ст. ст. 1866 года он пишет Тургеневу из Уфы: «По-

---

³³ Эти сведения содержатся в цитируемом ниже письме Тургенева к И. П. Борису от 17 февраля, 9 марта (1, 21 марта) 1866 г.

³⁴ ПССиП(2). Письма. Т. 7. С. 67.

³⁵ См. записки Тургенева от ноября — декабря 1866 и января 1867 гг. (Там же. С. 75, 76, 78, 84, 96).

³⁶ См. датировку письма 6 в наст. публикации.

³⁷ См. о М. В. Авдееве примеч. 10 к письму 1.

³⁸ После ареста в 1862 г. по делу М. Л. Михайлова Авдеев находился в ссылке в Пензе, затем в родовой деревне в Оренбургской губернии. В 1865 г. он получил разрешение уехать на лечение за границу, но был вынужден вернуться в Россию. В 1867 г. с него был снят полицейский надзор.

думывал о том, чем бы заняться, и вспомнил предложение, которое делал мне Алексей Жемчужников — и так как я его адреса не знаю, а слышал, что он думает зимовать в Баден-Бадене, то и обращаюсь к Вашему посредничеству <...>. Если он не передумал, то хорошо бы было основать, хоть в Москве, большую ежедневную политическую и литературную газету, которая заменила бы и толстый журнал, выходя листов в 5-ть–6, а в политике наполняясь корреспонденциями. Если эта мысль ему понравится, то пусть он обдумает ее, запасается с Вашего совета хорошими корреспондентами — а я, если получу возможность — то буду ему помогать. Надеюсь, Вы не откажетесь помогать нам и советом и статьями».³⁹ Тургенев отвечал 25 января (6 февраля) 1867 года из Бадена: «Жемчужников Алексей здесь с женой, которая должна в скором времени родить: он остается здесь с весны и живет в Zähringer Hof. Я ему сообщил Ваше письмо; но, кажется, он охладил к мысли основать журнал; во всяком случае он чувствует себя неспособным на редакторское дело. Впрочем — напишите ему».⁴⁰ Спустя два месяца в письме к Авдееву из Петербурга от 30 марта (11 апреля) 1867 года Тургенев подвел итог мыслям о возможности издания журнала в России: «Явно одно: от литературно-эстетического берега наше общество отстало — а к политическому еще не пристало... тут и плыви по середине. Больше всего занимают теперь вопросы юридические и финансовые: даже воробьи на крышах чирикают о железных дорогах, и дельцы — умелые — большие деньги препровождают себе в карман. Основать теперь журнал — дело мудреное: да и к тому же мы, русские — вообще — не одарены необходимым к такому делу темпераментом: не знаю, как Вы. Жемчужникову так, кажется, нравится в Бадене — что он оттуда не выедет. Да и правду говоря — кому охота? Там теперь весна в полном расцвете, трава уже в пол-аршина — а здесь еще вчера снежная метель, пурга, ветер воет и ноет — глухая зима!».⁴¹

В первые годы жизни в Баден-Бадене, Гейдельберге и Штутгарте Алексей Жемчужников стал для Тургенева одним из тех «двух-трех приятелей», которых, помимо неизменных арбитров В. П. Боткина и П. В. Анненкова, он приглашал к участию в чтении своих новых произведений до их публикации и в чьем критическом мнении был заинтересован. В январе ст. ст. 1867 года в Баден-Бадене Тургенев читал в узком кругу «Дым», только что им завер-

---

³⁹ М. В. Авдеев. <Письма к Тургеневу, 1865–1870 гг.> / Вступит. ст., подгот. текста и коммент. Е. И. Кийко // *Т Сб.* Вып. 1. С. 414, 415.

⁴⁰ *ПССиП(2). Письма.* Т. 7. С. 89.

⁴¹ Там же. С. 167. Возвращаясь к издательскому проекту, но уже без прежнего энтузиазма, Авдеев писал Тургеневу из Стерлитамака 6 мая ст. ст. 1867 г.: «Мысль о газете все слабеет, принимая в соображение времена и мое положение» (*Т Сб.* Вып. 1. С. 416). См. также неопубликованные письма Авдеева к А. М. Жемчужникову: *РГАЛИ.* Ф. 639. Оп. 2. № 134.

шенный и обещанный М. Н. Каткову для февральского номера «Русского вестника». Планируя в середине февраля отъезд в Россию, 17 (29) января в письме к Боткину он сообщал о причинах задержки (приступ подагры), добавляя: «А выслать по почте роман, без предварительного чтения Анненкову и тебе в Петербурге — я решительно не согласен <...>», и 20 января (1 февраля) писал Анненкову: «Нет препятствий начать печатание моего романа с 15 (27) февраля; до того времени он будет прочтен Вам и двум-трем приятелям, и нужные поправки сделаны».⁴² Этими «приятелями» были Алексей Жемчужников и Н. Н. Рашет.

С их участием чтение «Дыма» состоялось 29 января (10 февраля) 1867 года.⁴³ Спустя два дня Тургенев писал Анненкову: «Мой роман совершенно готов и переписан; я его прочел здесь находящемуся А. М. Жемчужникову, и он, кажется, остался доволен...».⁴⁴ Однако высказывания Жемчужникова о романе, полемика вокруг которого, как признавался Тургенев, превзошла по остроте все его предшествующие произведения, остались неизвестными. Не отразились в его письмах и впечатления от тургеневской повести «Нечастливая», также прочитанной автором ему и Н. Н. Рашет в Штутгарте в январе 1869 года (см. письма 12–14 и примеч. к ним).

Вторая половина 1860-х годов стала для Алексея Жемчужникова временем возвращения к поэтическому творчеству, временем творческого подъема. О своих новых сочинениях он впервые сообщает Тургеневу 18 (30) марта 1869 года, прося его прочесть и высказать мнение о «*длиннейшем* стихотворении» «Перед возвращением на родину» («...557 стихов, да еще другое, которое может быть напечатано в виде приложения к первому, — 111 стихов, итого 668 стихов! Страшно сказать, а прочесть еще страшнее») (см. письмо 18 и примеч. к нему). Однако о работе над поэмой «Сны» в 1867 году он Тургенева не извещал, о ее публикации Тургенев узнал из газет: «Я прочел в газетах, что Ваши „Сны“ помещены в „Отчественных> зап<исках>“».⁴⁵ Между тем еще летом 1867 года Жемчужников расспрашивал Плещеева о возможности публикации своих новых произведений в России, и Плещеев в письме от 15 июля ст. ст. 1867 года представил подробный отчет о редакционной политике нескольких толстых журналов. Отговаривая адресата от идеи печататься в некоторых из них, Плещеев писал: «Я знаю вас за безукоризненно чистого и честного человека и вполне убежден, что <...> если полемика пе-

---

⁴² ПССиП(2). Письма. Т. 7. С. 86–87, 88.

⁴³ В адресованной Рашет записке от 29 января (10 февраля) Тургенев приглашает к 7-ми часам вечера: «...и мы примемся, благословясь, за чтение!» (Там же. С. 94; см. также: *Летопись (1867–1870)*. С. 8, 9).

⁴⁴ ПССиП(2). Письма. Т. 7. С. 96.

⁴⁵ Там же. Т. 8. С. 144. Письмо от 4 (16) марта 1868 г. Поэма была опубликована в № 2 «Отчественных записок» за 1868 г.

реходит в область инсинуаций, говоря словами Каткова, сикофантства,⁴⁶ — то вы не в состоянии примкнуть к партии подобных антагонистов <...>».⁴⁷ «Не признаете ли вы лучшим, — заключал Плещеев, — издать ваши произведения отдельно. Можно бы поискать издателя. Я нетерпеливо желаю прочесть все, что у вас написано. Только цензурно ли оно? Вот важный вопрос. — Цена, которую вы просили с Краевского, по-моему, не высокая; и мне сильно сдается, что у него тут был другой умысел: видно, ваша поэма не подошла под их взгляды. Это вернее будет. Если эта вещь идет вразрез с воззрениями так называемого большинства (для которого „Московск<ие> вед<омости>“ *pes plus ultra* (предел — *лат.*) — ума и благородства), то, конечно, ее там не поместят. Не возьмет ли Аксаков в „Москву“? Но тогда придется дробить, а на это вы не пойдете? Я решительно не могу вам дать совета, не зная, какую вещь вы написали — тенденциозную или чисто художественную?».⁴⁸

Из письма следует, что с вопросом о публикации поэмы Жемчужников обращался к Краевскому в «Отечественные записки».⁴⁹ В конце года он отослал поэму редактору «Санкт-Петербургских ведомостей» В. Ф. Коршу, который переправил ее в «Вестник Европы» М. М. Стасюлевичу. Последний писал Коршу 27 декабря ст. ст. 1867 года: «Многоуважаемый Валентин Федорович, весьма благодарен Вам за случай, который Вы мне доставляете начать знакомство с А. М. Жемчужниковым. Но сожалею о своей неудаче по поводу доставленных мне в редакцию „Вестника Европы“ стихов. При всем моем желании поместить их в журнале, я должен отказать себе в том и сожалею об этом тем более, что стихи сами по себе весьма хороши, но действительность не такова теперь, чтоб рассказывать подобные „сны“. Не будет ли у А. М. его прозы, разумеется такой, чтобы редакции, напечатав ее, не пришлось увидеть во сне переводов с французского: *vu que* или *considérant que* и т. п., а потом прочесть у себя в журнале другую прозу, написанную и доставленную в редакцию с мутных берегов Фонтанки».⁵⁰ Сцены-аллегории четырехчастной поэмы «Сны» с характерными заглавиями частей: «Бессилие», «Зараза», «Вещая ночь», «Эпилог. *Наяву*» изображали блуждания «вольнoлюбивой души» в «нравственной тьме», на «безжизненном просторе» сновидческого пространства, среди вещей знаков вырождения и болезни.

После перехода «Отечественных записок» к Некрасову Жемчужников отсылает поэму ему, сообщая в письме от 7 (19) января 1868 года: «Посылаю

⁴⁶ Сикофантство (*греч.*) — доносительство, клевета, шантаж.

⁴⁷ Письма А. Н. Плещеева к А. М. Жемчужникову. С. 118.

⁴⁸ Там же. С. 118–119.

⁴⁹ В письме к А. А. Краевскому от 29 июня 1867 г. в ответ на согласие опубликовать поэму Жемчужников отказывается от этого предложения по причине слишком низкого «вознаграждения» (см.: *РГБ*. Ф. 101. 4818.124. Л. 1).

⁵⁰ *Стасюлевич*. Т. 4. С. 334, примеч. 3.

Вам, любезнейший Николай Алексеевич, свою поэму „Сны“ и стихотворение „Заколдованный месяц“;⁵¹ с предложением напечатать их в „Отечественных записках“. Я желаю получить за поэму 350 р. и 15 р. за стихотворение, всего 365 рублей. Если эти произведения мои Вам покажутся пригодными, а между тем Вы встретите затруднение дать мне вышеуказанную сумму, то прошу Вас уведомить меня, на каких условиях согласны Вы напечатать мои стихи. Я буду отвечать Вам немедленно: согласен ли я или нет. Я начал теперь сатирическую поэму о том московском направлении, которого я был свидетелем во время господства „Московских ведомостей“. С большим удовольствием перешлю Вам и ее, если она будет кончена. Мне было бы весьма приятно попасть в список сотрудников возрождающихся в этом году „Отечественных записок“». ⁵² Некрасов ответил 18 января ст. ст. 1868 года: «...поэму Вашу получил, прочел, перечел и опять перечел. Стихи хорошие, картины великолепные, содержание — оно настолько ясно, насколько следует. Напечатать ее во 2 № „Отечественных записок“». ⁵³

Поэма о «московском направлении» — ранний вариант будущей памфлетно-сатирической поэмы «Перед возвращением на родину», направленной против Каткова, который представлен в ней «пророком». Работу над поэмой Жемчужников продолжил в начале 1868 года, известив об этом Некрасова.⁵⁴ Две ее первые части он отправил Некрасову вместе с письмом от 29 марта (10 апреля) того же года, в котором сообщал: «...посылаю Вам две первых части моего стихотворения (не знаю, можно ли назвать его сатирической поэмой) „Перед возвращением на родину“. Я теперь в таком состоянии духа, что должен отложить на некоторое время продолжение его. То, что посылаю Вам теперь, составляет по моим соображениям меньше половины. Вперед у меня уже набросано много, и есть целые куски уже готовые; но я покуда не в состоянии привести их в порядок, дополнить пробелы и, одним словом, окончить. Посылаю Вам только потому, что оно само по себе составляет нечто целое и что оценку собственно катковского периода откладывать на неопределенное время может быть неудобно. Собственно к Каткову, ко вре-

---

⁵¹ Стихотворение, датированное 1859 г., в аллегориях которого российская черная ночь, «Распахнув над сонным краем / Неподвижное крыло», препятствует восхождению месяца, символизирующего рвущиеся к пробуждению силы, было опубликовано Некрасовым позднее (см.: *ОЗ*. 1869. № 1).

⁵² *Жемчужников А. М.* Письма к Некрасову. С. 274.

⁵³ *Некрасов*. Т. 15. Кн. 1. С. 67. Поэма опубликована: *ОЗ*. 1868. № 2. С. 328–340.

⁵⁴ 26 января (7 февраля) 1868 г. он писал ему: «Я занимаюсь теперь сатирической поэмой, о которой намекнул Вам в первом письме. Хотя я еще далеко не переступил за половину, но дело подвигается покуда успешно. Мне бы хотелось отдать Вам и ее, но позвольте с полной откровенностью предварить Вас заблаговременно, что я желаю получить за свою сатирическую поэму не менее 75 коп. сер. за строку» (*Жемчужников А. М.* Письма к Некрасову. С. 276).

мени его силы и могущества я уже более не возвращусь. Далее я говорю о последствиях его влияния, т. е. о времени *настоящем* и вообще о московском духе. <...> Если Вы одобряете и принимаете мои стихи, сколько Вы мне за них дадите? Сколько я могу судить сам о себе, они и лучше и интереснее моих „Снов“». ⁵⁵

Две первые части поэмы — это будущая самостоятельная двухчастная сатирическая поэма «Пророк и я». Некрасов отказался от ее публикации, объяснив свой отказ и ее художественным несовершенством, и неактуальностью авторских разоблачений Каткова. «Дело в том, — писал он Жемчужникову 28 апреля ст. ст. 1868 года, — что присланное Вами начало поэмы произвело на меня впечатление далеко не удовлетворяющее. Вы давно из России, и я затрудняюсь объяснить Вам, почему в напечатании теперь этого отрывка было бы нечто неловкое. Нами здесь это чувствуется ясно. Притом самый отрывок не принадлежит к особенно удачным Вашим произведениям. Вы, вероятно, не читали того, что в последние годы писалось по поводу Каткова в либеральной части мелкой прессы. Все те мотивы, на которых построена Ваша характеристика К<атков>а, многократно и прозой, и стихами были там трактованы, иногда не без удачи, так что — извините — большая часть Ваших строф не имеет ни новости, ни силы. / Это мнение мое и двух-трех моих ближайших сотрудников по редакции». ⁵⁶ Характерна и реакция М. В. Авдеева на антикатковские выступления Жемчужникова. Он писал Тургеневу 6 (18) мая 1867 года: «Скажите Жемчуж<никову> (вместе с моим добрым поклоном), что он, пожалуй, с своими громами на Каткова и опоздает. Что его „Сны“? Они меня интересуют». В письме от 14 (26) сентября 1868 года он повторял: «Что Жемчужников и его грома против Катк<ова>? Разразятся ли они когда-нибудь; привет мой ему». ⁵⁷

Только в январе 1870 года Жемчужникову удалось поместить поэму «Пророк и я» в «Санкт-Петербургских ведомостях» — под заглавием «О времени (Опыт фельетона в стихах)». Обличительный пафос автора в первой ее части, озаглавленной «Пророк», был, если использовать слова Некрасова, «настолько ясен, насколько следует»:

Я край родной в те дни оставил,
Когда, всемогущ и высок,

⁵⁵ Жемчужников А. М. Письма к Некрасову. С. 277.

⁵⁶ Некрасов. Т. 15. Кн. 1. С. 74–75. Позднее Плещеев также сообщит Жемчужникову о звучавших в его адрес упреках в «абсентеизме»: «...очень многие, что называется, собак вешают на вас за „абсентеизм“». Мне несколько раз приходилось горячо спорить на этот счет еще в бытность мою в Москве с нашими друзьями славнофилами <...>» (Письма А. Н. Плещеева к А. М. Жемчужникову. С. 125. Письмо от 10 декабря <1873 г.>).

⁵⁷ Т Сб. Вып. 1. С. 417, 426.

Его умами грозно правил
В Москве явившийся пророк.
<...>
Его заботил непрестанно
Патриотический вопрос:
Как цели нам достичь желанной,
Чтоб в нашей родине пространной
Единомыслие ввелось?
Чтоб дряни вечно недовольной
Не слышен ропот был у нас
И юность, мыслящая вольно,
Чтоб на Руси перевелась?⁵⁸

К весне 1869 года Жемчужников создает полностью обновленный текст поэмы, о котором и сообщает Тургеневу в цитированном выше письме. Сатиру «Пророк и я» он рассматривает на этом этапе работы в качестве приложения к поэме (см. письмо 18). В этом письме упомянут эпизод, нигде документально не зафиксированный. «Из того, что я намерен Вам послать, — писал Жемчужников, — <...> я уже прочел Вам первую главу и то, что теперь хочу напечатать в виде приложения. Все остальное ново и написано мною в это последнее время, после нашего свидания в Карлсруэ». То есть поэму «Пророк и я» Тургенев слышал в исполнении автора при свидании в Карлсруэ, однако ни время свидания, ни его реакция на прослушанные стихи неизвестны. Позднее в одном из писем к Анненкову Тургенев все поэтические сочинения Жемчужникова назовет не иначе, как «стихотворениями».

В декабре 1869 года Жемчужников отправляет Тургеневу цикл эпиграмм. Его письмо, как и тексты, побывавшие в руках Тургенева, не сохранились, но 12 (24) декабря Тургенев отвечал: «Отмеченные * эпиграммы мне понравились; я позволил себе сделать также несколько замечаний. Очень рад, что Вы работаете и чувствуете прилив деятельности».⁵⁹ «Сюиту» из 15 эпиграмм «В альбом современных портретов», где в острых четверостишиях были представлены современные общественные типы, и, кроме того, цикл из шести поэтических сатир «Современные песни» Жемчужников вскоре отправил Некрасову. Отвечал автору 9 февраля ст. ст. 1870 года М. Е. Салтыков: «...стихи Ваши и письмо Некрасовым получены, но Некрасов не отвечал Вам по болезни. По объяснению Некрасова, стихи Ваши имеют быть напе-

---

⁵⁸ *СПбВед.* 1870. 30 января. № 30. С. 3. Здесь к первой строке: «Я край родной в те дни оставил» — имеется авторское примечание: «В 1866 году». Оно не учтено в тексте и примеч. в изд.: *Жемчужников*. С. 291, 384. В ст. 7–8 приведенного фрагмента содержится намек на «Проект: О введении единомыслия в России» Козьмы Пруткова (см.: *Прутков Козьма*. Полн. собр. соч. С. 151–154).

⁵⁹ *ПССиП(2). Письма*. Т. 10. С. 100.

чатаны в мартовской книжке. Что Вы так надолго запали за границу? Кажется, надо бы и про нас вспомнить, про нас, которые здесь живут и пишут. Право, литератору не лишнее жить среди тех интересов, о которых очень часто болит сердце его, как члена известной национальности. Плоха нынче литература стала; она носит на себе печать того же брожения, которое примечается и в обществе. Ничего цельного и законченного; все какие-то отрывки и мелочи. Старое отживает, новое рождается туго. Как хотите, а и наши с Вами дни сочтены». ⁶⁰ Некрасов ответил Жемчужникову 26 февраля ст. ст.: «Ваши последние вещи (как в „Петербургских> ведомостях“, так и нам присланные), отчасти мне известные, хороши; в новой своей форме они много выиграла. Говорю это Вам для того, чтоб Вы не складывали рук. Ваши стихотворения (кроме пьесы „Свободное слово“) напечатаны на первых страницах 3-го № „Отчестственных> зап<исок>“. Пишите, что делать с оставшеюся пьесою и серию пьесок „В альбом современных портретов“, которую мы тоже не решились напечатать». ⁶¹

Сатирический цикл «Современные песни», в который вошли пять стихотворений: «О, скоро ль минет это время...», «Эпохи знамение — в том...», «Кентавр», «Современному гражданину» и «Старик», был напечатан в «Отчестственных записках». ⁶² Все тексты отличала характерная для Жемчужникова резкость позиции в протесте против общественного лицемерия и фальши:

О, скоро ль минет это время,
Весь этот нравственный хаос,
Где прочность убеждений — бремя,
Где подвиг доблести — донос;
Где, после свалки безобразной,
Которой кончилась борьба,
Не отличишь в толпе бессвязной
Ни чистой личности от грязной,
Ни вольнодумца от раба;
<...>
Где стыд и совесть убаюкать
Мы все желаем чем-нибудь,
И только б нам ладонью стукать
В патриотическую грудь!.. ⁶³

⁶⁰ Щедрин. Т. 18. Кн. 2. С. 42.

⁶¹ Некрасов. Т. 15. Кн. 1. С. 127. «Очень мне жаль, — писал Жемчужников Некрасову 25 марта ст. ст. 1870 г. о «Свободном слове», — что стихотворение о нашем литературно-полицейском направлении не попало в „Отчестственные> записки“». (Жемчужников А. М. Письма к Некрасову. С. 284). Стихотворение «Свободное слово», получившее название «Литераторы-гасильники» (см.: Жемчужников. С. 352–353), было опубликовано в 1870 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» (см. ниже).

⁶² ОЗ. 1870. № 3. С. 1–6.

⁶³ Там же. С. 1.

Сатира «Литераторы-гасильники» и цикл из 15 эпиграмм «В альбом портретов», объединенные общим заглавием «О времени недавно минувшем и частью о настоящем (Опыт фельетона в стихах)», были опубликованы в «Санкт-Петербургских ведомостях». ⁶⁴ Главная мысль «фельетона» формулировалась так: «...есть великая препона / Свободе слова — в нас самих».

Тургенев, отвечая 5 (17) июня 1870 года на несохранившееся письмо Жемчужникова, отозвался об обеих публикациях сдержанно: «Я читал помещенные в „С.-П.бургских ведомостях“ Ваши эпиграммы: все метки и ловки; остальные нападения на „Кентавр“ и т. д. слишком обстоятельны и пространны». ⁶⁵ Разумеется, «нападений» автора на Каткова, с их тотальной нетерпимостью и резкостью, порой граничившими с оскорблением, он поддержать не мог. Тургенев публиковался в «Русском вестнике», да и время «пророчеств» Каткова уходило. Антикатковские инвективы Жемчужникова Тургенев в письмах к нему намеренно обходит молчанием. Хотя и для него, безусловно, вопрос о выборе позиции по отношению к Каткову и его изданиям не был отвлеченным. После публикации в «Русском вестнике» «Дыма» (1867. № 3) Герцен писал Тургеневу 7 (19) мая 1867 года: «Но что ты поддерживаешь Каткова — это больно видеть, будто ты не нашел бы издателя без гнусного доносчика, о котором ты сам отзывался (кажется, мне говорил Авд<еев>) с омерзением». ⁶⁶ Тургенев отвечал 10 (22) мая: «Единственная вещь, которая меня самого грызет, — это мои отношения с Катковым, как они ни поверхностны. Но я могу сказать следующее: помещаю я мои вещи не в „Московских ведомостях“ — эдакой беды со мной, надеюсь, никогда не случится, — а в „Русском вестнике“, который не что иное как сборник и никакого политического колорита не имеет; а в теперешнее время „Русский вестник“ есть единственный журнал, который читается публикой — и который платит. Не скрываю от тебя, что это извинение не совсем твердо на ногах, — но другого у меня нету. „Отечественные записки“ — единственный соперник „Русского вестника“ — и половины денег дать не могут. А мнение мое о „Московских ведомостях“ и об их редакторе остается то же самое, которое я высказал Авдееву». ⁶⁷

В продолжение четырех лет переписки Жемчужникова с Тургеневым ее общая интонация заметно меняется. Если в первых письмах Жемчужникова

---

⁶⁴ *СПбВед.* 1870. 29 мая (10 июня). № 146. К двум частям публикации, с нумерацией: III и IV, имелось редакционное примечание: «Первые стихотворения того же автора, под тем же заглавием, были помещены в № 30-м нашей газеты, 30 января текущего года. Предлагаемое продолжение их появляется в печати несколько поздно по случайным причинам, не зависящим от автора» (Там же. С. 1).

⁶⁵ *ПССиП(2). Письма.* Т. 10. С. 196.

⁶⁶ *Герцен.* Т. 29. Кн. 1. С. 102.

⁶⁷ *ПССиП(2). Письма.* Т. 7. С. 201.

ощущается та дружеская открытость и непосредственность, которая составляет их своеобразное обаяние (хотя порой граничит с бесцеремонностью), то в письмах 1868–1869 годов более отчетлива позиция почтительной дистанции. Более сухим и сдержанным, а порой и холодно-ироничным становится и общий тон ответных писем «любезнейшему Жемчужникову» Тургенева. Постепенно они приобретают характер хотя и вежливых, но достаточно формальных ответов на заданные вопросы. Переписка становится Тургеневу малоинтересна, и привычный для него широкий и свободный диалог о политической и литературной жизни в России с Жемчужниковым очевидно не складывается. Показательна, к примеру, просьба Алексея Михайловича в майском письме 1869 года (см. письмо 20) прислать ему «не нужные» Тургеневу номера «Вестника Европы» с прибавлением: «*Январскую книжку мы уже прочли*». Между тем в январской книжке началось печатание гончаровского «Обрыва» — романа, выхода которого после десятилетнего молчания автора («Обломов» был опубликован в 1859 г.) читатели с нетерпением ждали. Внимание Тургенева к роману Гончарова и его многочисленные резкие отзывы о нем в письмах первой половины 1869 года хорошо известны. Жемчужников об «Обрыве» молчит. Редкие литературные высказывания в письмах Тургенева становятся вынужденно краткими, а порой и вынужденно резкими. Характерен в этом смысле его отзыв о «Войне и мире» — самый жесткий, вне сомнения, среди его многочисленных и весьма критических отзывов о романе Толстого (см. примеч. 9 к письму 21). Раздражение Тургенева в этом случае, как можно предположить, вызвал не столько очередной том романа, о котором шла речь, сколько адресат письма, его не прочитавший и ничего о нем не готовый сказать. Характерна и ситуация с распространившимися в феврале 1869 году слухами о возвращении в Россию Герцена. На вопрос, заданный о Герцене Жемчужниковым, — вопрос, который глубоко волновал Тургенева, его реакции не последовало (см. письмо 17 и примеч. 3, 4 к нему). Возможно, письмо Тургенева не сохранилось, однако есть основания думать, что ответ и не предполагался.

К середине 1869 года эпистолярный диалог Жемчужникова с Тургеневым кажется почти себя исчерпавшим. И Алексей Михайлович, судя по его последним грустным письмам, это чувствует. В июне 1870 года Тургенев отвечает на несохранившееся письмо Жемчужникова от 26 мая (7 июня), благодаря его за «помянутую добрым словом» повесть «Странная история», а в июле сообщает самые общие сведения о своей жизни в Бадене.⁶⁸ На этом переписка прерывается.⁶⁹

---

⁶⁸ Там же. Т. 10. С. 196, 216. Письма от 5 (17) июня и 17 (29) июля 1870 г.

⁶⁹ Адресатом Жемчужникова в 1873–1874 гг. на недолгое время становится П. В. Анненков; см. посланные ему письма и тексты стихотворений: *ИРЛИ*. Ф. 7. № 41.

Как это ни удивительно, но общение с Жемчужниковым оставило у Тургенева впечатление «неотразимой скуки», и этим впечатлением он с неизменной иронией делится в начале 1870-х годов со своими корреспондентами. О «скучном» Жемчужникове он напоминает, к примеру, Полине Виардо в письме от 24 февраля (8 марта) 1871 года.⁷⁰ Анненкову в Висбаден Тургенев пишет 27 сентября (9 октября) 1872 года: «Итак, Вы поселились в Висбадене, любезнейший Павел Васильевич! Что ж? Выбор хороший. Город приятный, удобный — русские его облюбили; Алексей Жемчужников жил там — и, должно полагать, не оставил в нем ни единой частицы той неотразимой скуки, которую он, как большая часть отличных русских людей, распространял вокруг себя вроде выхухоли!». ⁷¹ Анненков, разделявший впечатления Тургенева, отреагировал 8 (20) ноября: «А что будет, когда явится сюда патриарх скуки и ходульной благонамеренности А. Жемчужников, которого здесь ожидают. Вытерпим и это». ⁷² Тему скуки Тургенев продолжает в письме от 26 ноября (8 декабря) 1872 года: «Полагаю, что Жемчужникова еще нет в Висбадене; а то бы Вы так зевали, что даже здесь было бы слышно». ⁷³ Анненков отвечает 3 (15) декабря: «Жемчужников здесь! Потребовал, чтоб я прочел стихотворную его галлюцинацию <...>, ибо говорит: „надо мне знать — полезное ли я дело делаю!“». ⁷⁴ Тургенев отвечает 20 декабря 1872 (1 января 1873 года): «Итак, Жемчужников пребывает в Висбадене! Пребывает, восседает, вкушает, поживает, беседует и безмолвствует!! Другие глаголы не идут к нему. Поклонитесь от меня сему скучнейшему, но прекраснейшему смертному. Любопытно мне знать, к каким изворотам Вы прибегли, чтобы сказать ему Ваше мнение о его стиходействиях». ⁷⁵ В письме от 18 (30) января 1873 года Тургенев именует Жемчужникова «аспидом добродетели». ⁷⁶ Год спустя в письме к Анненкову от 6 (18) марта 1874 года, после встречи Анненкова в Ментоне с «полуживым» Жемчужниковым и «полумертвым» Алексеем Толстым, ⁷⁷ он признается: «Жаль мне Толстого — как отличнейшего человека; как писатель — он ужасен почти столько же, сколько его двоюродный брат». ⁷⁸

---

⁷⁰ ПССиП(2). Письма. Т. 11. С. 35, 317. См. подробнее ниже, во вступит. статье к публикации письма к Тургеневу В. М. Жемчужникова.

⁷¹ ПССиП(2). Письма. Т. 12. С. 13.

⁷² Анненков. Письма. Кн. 1. С. 214.

⁷³ ПССиП(2). Письма. Т. 12. С. 65.

⁷⁴ Анненков. Письма. Кн. 1. С. 215.

⁷⁵ ПССиП(2). Письма. Т. 12. С. 80.

⁷⁶ Там же. С. 98.

⁷⁷ О болезни А. К. Толстого см. ниже, примеч. 10 к письму В. М. Жемчужникова.

⁷⁸ ПССиП(2). Письма. Т. 13. С. 33. См. об отношении Тургенева к творчеству А. К. Толстого: Данилевский Р. Ю. Два таланта. И. С. Тургенев и А. К. Толстой: Отношения личные и творческие // Спасский вестник. 2005. Вып. 12. С. 136–144.

Из всего созданного Тургеневым во второй половине 1860-х годов «безмолвствовавший» Жемчужников, который был и читателем тургеневских произведений, и участником чтений в дружеском кругу, свое суждение высказал только о «Воспоминаниях о Белинском».⁷⁹ В феврале 1869 года он просит Тургенева известить его о ходе работы над воспоминаниями, которые его «очень интересуют», и по выходе апрельского номера «Вестника Европы» с текстом очерка — прислать ему журнал (см. письма 16, 20, 21). Получив его от Тургенева и прочитав «Воспоминания», Жемчужников свое впечатление высказывает в письме от 10 (22) июня: «Очень благодарю Вас, любезный Иван Сергеевич, за Ваши воспоминания о Белинском. Я прочел их с большим интересом. Не будет ли еще каких-либо подробностей и дополнений? Не вспомните ли Вы еще чего-нибудь о Белинском и вообще о том времени? Интерес, возбуждаемый Вашей статьей, таков, что хотелось бы еще и еще. Еще других характеристических черт, анекдотов, критических взглядов, выводов, сравнений с настоящим и проч.! И хотелось бы всё это еще слышать собственно от Вас. Вы — крупный и притом *цельный* представитель того времени, — не подточенный, не урезанный, не разочарованный, не повернувшийся к нему задом. — Вы, наверно, еще преисполнены мыслей и материалов» (письмо 22).

Насколько мог удовлетворить этот отзыв Тургенева? Не «характеристические черты» и не «анекдоты» составляют суть его рассказа о Белинском, но признание за ним роли «великого критика», «русского Лессинга», с «жаром и страстью» ратовавшего за просвещение, и обоснование принципиальной для автора мемуаров позиции русского «западничества». Созданные после «Дыма», в атмосфере продолжавшейся жесткой полемики вокруг идей Потугина, когда, по словам Тургенева, в него «камни летят со всех сторон»,⁸⁰ его мемуары имели программный характер. В критике и публицистике Белинского, по Тургеневу, утверждались те же идеи, что и в речах Потугина. «Белинский был настолько же идеалист, — писал Тургенев, — насколько отрицатель; он отрицал во имя идеала. Этот идеал <...> именовался и именуется доселе различно: наукой, прогрессом, гуманностью, цивилизацией, —

---

⁷⁹ Надо сказать, что и Тургенев в свой творческий процесс Жемчужникова, кажется, не посвящал, и «Литературные воспоминания» — единственное произведение, подробностями работы над которым он счел возможным с ним поделиться. В письме от 19 (31) января 1868 г., на начальном этапе создания цикла мемуарных очерков, Тургенев признавался своему штуртартскому корреспонденту: «... всё выходит какое-то непрошенное и ненужное оправдание самого себя» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 8. С. 104). О постоянных сомнениях Тургенева во время этой «роковой», по его словам, работы, высказанных в письмах к разным лицам, см. в примечаниях Л. Н. Назаровой к «Литературным и житейским воспоминаниям» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 322–323).

⁸⁰ *ПССиП(2). Письма*. Т. 7. С. 207.

Западом, наконец. <...> Белинский посвятил всего себя служению этому идеалу; всеми своими симпатиями, всей своей деятельностью принадлежал он к лагерю „западников“ <...>».⁸¹

Не мог ли, кроме того, отзыв Жемчужникова, на первый взгляд вполне безобидный, задеть Тургенева? Автор отзыва был всего тремя годами моложе, а из его оценки со всей очевидностью следует, что Тургенев — человек из прошлого, как и Белинский, представитель ушедшего времени и ушедшего поколения.

С тургеневскими «Воспоминаниями о Белинском» связан еще один немаловажный сюжет, скрытый за строками писем Жемчужникова от апреля — мая 1869 года. В это время он ведет активную переписку с Некрасовым и в мае встречается с ним в Швейцарии, о чем Тургенев хорошо знал из писем самого Жемчужникова. От Некрасова Жемчужников должен был услышать реакцию на тургеневские воспоминания, содержавшие резкие выпады против редактора «Современника». Далеко не случайно, именно после рассказа о встрече и беседах с Некрасовым Жемчужников, дипломатично обратившись к Тургеневу за советом по поводу «прогулки» по Швейцарии, ниже в письме просит прислать ему номер «Вестника Европы» с «Воспоминаниями о Белинском» (см. письмо 21 и примеч. к нему).

Возвращаясь в «Воспоминаниях» к «старым дрязгам» при создании «Современника», Тургенев посчитал необходимым напомнить, что Белинский «был постепенно и очень искусно устранен от журнала, который был создан собственно для него <...>, а оказалось, что в новом журнале он, вместо хозяйского места, на которое имел полное право, занял то же место постороннего сотрудника, наемщика <...>».⁸² В конце очерка Тургенев поместил отрывки из трех писем к нему Белинского от февраля, марта и апреля 1847 года, в двух из которых упоминались Некрасов и Панаев (в тексте их имена заменены звездочками).⁸³

Болезненная реакция Некрасова на обвинения Тургенева, «вписавшиеся» в развернутую в это время жестокую травлю поэта, хорошо известна.⁸⁴ Важно

---

⁸¹ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 38.

⁸² Там же. С. 46.

⁸³ Там же. С. 52–54.

⁸⁴ Прежде всего по его большому исповедальному письму к М. Е. Салтыкову (в 4-х набросках), написанному в Париже в конце апреля — начале мая 1869 г. по прочтении № 4 «Вестника Европы», но не отправленному адресату. Первый набросок (и второй, с вариациями) начинался словами: «Мне попался здесь 4-й № „Вестника Европы“, и я прочел намеки Тургенева и выдержки из писем Белинского». В третьем наброске фраза была дополнена: «Тургенев, имеющий свои причины пакостить мне, является на помощь Антоновичу» (см.: Некрасов. Т. 15. Кн. 1. С. 92–98; примеч. Н. Н. Мостовской: С. 262–263). О выступлениях против Некрасова весной 1869 г. М. А. Антоновича и Ю. Г. Жуковского см. примеч. 7 к письму 21. О ситуации в целом

в данном случае, что выпады против Некрасова («кулак», «обержулик») в двух майских письмах Тургенева к Жемчужникову (см. примеч. 9 к письму 20) созвучны его обвинениям в «Воспоминаниях о Белинском».⁸⁵ Удивляет одно: почему на выпады Тургенева Жемчужников не реагирует? Тогда как известно, насколько высок был для него авторитет Некрасова. История о том, как он сжег одно из писем Тургенева, содержащее нападки на Некрасова, приобрела легендарный характер.⁸⁶ Однако в публикуемых письмах он не только не го-

---

см.: *Некрасов. Перетиска*. Т. 2. С. 236–247; *Некрасов. Летопись*. Т. 3. С. 103–127; *Щедрин*. Т. 9. С. 563–565; и др.

⁸⁵ Те же обвинения Тургенев не раз повторял и в письмах конца 1860 — начала 1870-х гг., особенно резко — в письмах к Я. П. Полонскому («...г-н Некрасов — поэт с натугой и штучками; пробовал я на днях перечесть его собрание стихотворений... Нет! Поэзия и не ночевала тут — и бросил я в угол это жеваное папье-маше с поливкой из острой водки»; «Он жулик и ярыга первой величины <...>» (*ПССуП(2). Письма*. Т. 8. С. 99–100; Т. 12. С. 122; и др.). В январе 1870 г. Тургенев публикует открытое письмо редактору «Санкт-Петербургских ведомостей» (*СПбВед.* 1870. 8 (20) января. № 8) в поддержку поэзии Полонского, против которой некрасовские «Отечественные записки» выступили с критикой (анонимная статья М. Е. Салтыкова: *ОЗ*. 1869. № 9), «развязной и самоуверенной», по словам Тургенева, с «гаерскими завываниями, свистом и кривляньями». Письмо заканчивалось спровоцировавшим самые разноречивые отклики утверждением: «...в деле поэзии живуча только одна поэзия и <...> в белыми нитками сшитых, всякими пряностями приправленных, мучительно высиженных измышлениях „скорбной“ музыки г. Некрасова — ее-то, поэзии-то, и нет на грош <...>» (*ПССуП(2). Письма*. Т. 10. С. 126–127). См. об этом этапе отношений Тургенева с Некрасовым: *Полоцкая Э. А.* Письма к Тургеневу Я. П. Полонского (1857–1873) // *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 198–205; *Мостовская Н. Н.* Тургенев и Некрасов. Противостояние // *РЛ*. 1999. № 1. С. 45–52; *Степина М. Ю.* Тургеневский отзыв о Некрасове и тема биографии поэта // *Спасский вестник*. 2007. Вып. 14. С. 187–200; и др.

⁸⁶ «Мемуаристы передают характерный случай. Однажды Жемчужников, находившийся в дружеской переписке с Тургеневым, получил от него письмо и тут же его сжег: оно содержало личные и несправедливо резкие нападки на великого поэта в момент, когда Тургенев был с ним в ссоре» (цит. по: *Покусаев Е.* Алексей Михайлович Жемчужников. С. 21–22). Ср.: «Некрасов и его муза всегда были для Жемчужникова святыней. Известен случай, когда, получив от Тургенева письмо, полное нападок на Некрасова, Жемчужников тут же его сжег...» (*Жуков Д. А.* Козьма Прутков и его друзья. С. 330). Указанный Е. И. Покусаевым мемуарный источник содержал, однако, иную информацию: письмо Тургенева было сожжено Жемчужниковым не «тут же», а много позже. В анонимной заметке «Памяти Жемчужникова», опубликованной в год смерти поэта в «Биржевых ведомостях», сообщалось: «К<ирик> Л<евин> из своих личных воспоминаний о Жемчужникове рассказывает <...> один случай. Как он характеризует прекрасную душу поэта!

Раз захожу я к Жемчужникову и вижу его взволнованным. Спрашиваю — в чем дело?

тов возражать Тургеневу по поводу некрасовского «жюльничества», но более того, готов согласиться с ним, что Некрасов слабый поэт. «Я перечел все стихи Некрасова от доски до доски, — пишет Жемчужников. — По моему мнению, есть вещи очень хорошие, и вообще Некрасов имеет свой собственный, неотъемлемо ему принадлежащий букет, что очень важно; но зато есть вещи чрезвычайно слабые. <...> Красивой легкости он лишен вовсе» (письмо 22). Однако едва ли «красивая легкость» могла быть для Тургенева критерием подлинной поэзии.

Многое в письмах Жемчужникова вызывает вопросы, противоречит ожидаемому, хотя отчасти и объясняется благодаря приведенным выше проникнутым иронией разочарования репликам Тургенева в письмах к Анненкову.

Известный прутковед Д. А. Жуков, обнаружив по прочтении позднего «Дневника» Жемчужникова в его записях «без всякого намека на юмор нечто совершенно прутковское», вынужден был признать: «Дневник, который до глубокой старости вел Алексей Михайлович Жемчужников, — явление весьма любопытное. Он многое проясняет, но еще больше запутывает. В нем выветливается личность Алексея Жемчужникова — либерального мечтателя, человека весьма сентиментального».⁸⁷

В публикуемых письмах несомненный интерес представляют сведения о ближайшем родственном круге Алексея Жемчужникова. Это главным образом родственники жены — Дьяковы, Оболенские, Сухотины.⁸⁸ Жемчужников был женат на *Елизавете Алексеевне Дьяковой* (1833–1875),⁸⁹ сестре ближайшего друга Льва Толстого (со времени учебы в Казанском университете)

— А я только что сжег одно из писем Тургенева ко мне.

— Зачем Вы это сделали? — удивился я.

— Нехорошее письмо. Было бы горько и больно за Тургенева, если бы это письмо появилось после моей смерти в печати. Вы представляете себе, что он пишет мне о Некрасове...

И Ал. М.—ч процитировал из письма фразу, которая действительно мало вяжется с тонкой и художественной натурой Тургенева» (*Бирж Вед.* 1908. 29 марта (10 апреля). № 10427. Веч. вып. С. 3–4). *Левин Кирик Никитич* (1876–1922) — публицист марксистского направления, педагог; в 1898–1902 гг. жил в Тамбове, где встречался с А. М. Жемчужниковым; автор ряда статей о нем, важная из которых — «Последний из могикан» (*Жизнь.* 1900. № 2. С. 384–393).

⁸⁷ Жуков Д. А. Козьма Прутков и его друзья. С. 369.

⁸⁸ В письмах Тургенева нет сведений о его контактах с приезжавшими к Жемчужниковым в Баден-Баден и Гейдельберг родственниками. Исключение составил С. М. Сухотин, с которым Тургенев готов был в первой половине 1868 г. встретиться в Баден-Бадене, однако, состоялась ли эта встреча, неизвестно (см. примеч. к письму б).

⁸⁹ См. краткие сведения о ней: *Александрова Л. М.* Жемчужникова Е. А. // *Тургенев. НИИМ* (3). С. 366–367 (Материалы к Тургеневской энциклопедии).

Е. А. Жемчужникова

Дмитрия Алексеевича Дьякова (1823–1891), помещика, владельца имения Черемошня в Новосильском уезде Тульской губернии. В имении Дьяковых часто бывали не только Лев Толстой с семьей, но и И. П. Борисов и А. А. Фет. В письме к Борисову из Баден-Бадена от 17 февраля, 9 марта (1, 21 марта) 1866 года Тургенев сообщал: «Сюда приехал Жемчужников — писатель; он женат на сестре Дьякова, и через него я узнал довольно много подробностей о „ненавидящем“ меня Льве Николаевиче».⁹⁰ С будущей женой Жемчужников познакомился, живя с 1858 года в Калуге (женится в 1859-м), где в 1858–1862 годах служил губернатором В. А. Арцимович, его сокурсник по Училищу правоведения и на протяжении всей жизни ближайший друг.⁹¹ В «Автобиографическом очерке» Жемчужников вспоминал: «Самое лучшее время моей

⁹⁰ ПССиП(2). Письма. Т. 7. С. 23. «Ненависть» Льва Толстого была следствием известной ссоры между писателями, произошедшей в имении Фета Степановке 27 мая ст. ст. 1861 г., которая привела к 17-летнему разрыву отношений.

⁹¹ Арцимович Виктор Антонович (1820–1893) — видный общественный деятель эпохи реформ; был женат на сестре Жемчужникова *Анне Михайловне* (1832–1908). См. о нем: Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики. СПб., 1904. Среди многочисленных материалов здесь помещены три посвященные Арцимовичу стихотворения А. М. Жемчужникова: «Цветущая старость» (1888), «Другу» (1893), «Последний портрет» (1898).

жизни было пребывание мое в Калуге вскоре после выхода в отставку. Тогда разрешался крестьянский вопрос. Я почитаю себя счастливым, что был свидетелем освобождения крестьян в Калужской губернии, где тогда был губернатором мой товарищ по училищу и друг Виктор Антонович Арцимович, женатый на моей сестре. Великое дело имело огромное влияние на русское общество. Оно вызвало и привлекло к себе большое количество друзей и тружеников. Новые люди являлись повсюду, и общество росло умственно и нравственно, без преувеличения, по дням и по часам. Недавние чиновники и владельцы душ преобразались в доблестных граждан своей земли... Хорошее было время! Я должен упомянуть еще об одном обстоятельстве того времени, чисто личном, но имевшем глубокое влияние на всю мою последующую жизнь. Я тогда сделал знакомство, которое положило основание моему семейному счастью. Словом, это время было в моей жизни светлым праздником».⁹²

Не раз в письмах Жемчужникова к Тургеневу упомянута, причем без каких бы то ни было рекомендательных комментариев (хотя сведений о знакомстве с ней Тургенева нет), его свояченица — княгиня *Александра Алексеевна Оболенская* (урожд. Дьякова; 1831–1890), известная общественная деятельница эпохи реформ, поборница женского образования. Вместе с мужем, князем *Андреем Васильевичем Оболенским* (1825–1875), она поддерживала проведение крестьянской реформы в Калужской губернии, примыкая к кружку ее местных сторонников во главе с Арцимовичем. Как вспоминал о матери В. А. Оболенский, княгиня «принимала горячее участие во всех перипетиях реформы, собирая по вечерам в своей гостиной всех местных ее деятелей. Здесь, в Калуге, ее врожденное свободолюбие оформилось в определенные либеральные политические убеждения, которым она оставалась верна до своей смерти».⁹³ В Петербурге в 1870 году А. А. Оболенская основала и возглавила частную женскую гимназию (вторую в России), готовившую девушек к поступлению в высшие учебные заведения (гимназия княгини Оболенской).

---

⁹² *Жемчужников А. М.* Автобиографический очерк. С. 64. В обширных биографических материалах раздела «Приложение» указанного выше сборника, посвященного Арцимовичу, А. Ф. Кони (выступивший одним из его основных участников) привел признание Алексея Жемчужникова, что в Калуге он был «постоянным интимным секретарем» Арцимовича, добавляя: «В архиве В. А. Арцимовича многие бумаги написаны почерком А. М. Жемчужникова, другие получили от его искусной руки последнюю отделку». В одном из писем к Арцимовичу 1862 г., накануне его отъезда из Калуги, Жемчужников писал: «Калуга и многие ее жители мне не только близки, но родны. Родство с лучшими ее деятелями, мне кажется, ближе, чем родство по крови. Это родство по мысли, по убеждению, по чувству чести» (Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики. С. 384).

⁹³ *Оболенский В. А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 19–20. *Оболенский Владимир Андреевич* (1869–1950) — общественный деятель, кадет, депутат Государственной думы первого созыва.

В воспоминаниях Оболенского предстает и Алексей Михайлович Жемчужников: «Смуглый, с черными выразительными глазами, с раздваивающейся бородой стального цвета и с такими же стальными, слегка вьющимися волосами, окружавшими уже откровенную лысину, он был на редкость красивым человеком. Когда он шел по улице, прохожие невольно оглядывались на него, чувствуя какую-то значительность во всем его облике. Они не ошибались, ибо он действительно обладал блестящим умом, неиссякаемым остроумием и большим литературным талантом. Но не использовал этих даров природы и отошел в прошлое лишь как хороший, но второстепенный русский поэт и как один из главных авторов знаменитого Козьмы Прутков». Литературной второстепенности «дяди Алеши» племянник нашел объяснение: «Мешало развитию дарований А. М. Жемчужникова то, что он был на редкость ленив. После смерти жены он остался за границей на много лет. Эту добровольную эмиграцию объяснял своим свободолюбием и ненавистью к самодержавию, но не принимал никогда участия в политической борьбе и жил в комфортабельном безделье, переезжая из отеля в отель, то во Франции, то в Германии или Австрии, а больше всего в Швейцарии. <...> В качестве плодов этой праздной жизни изредка появлялись в русских журналах его стихотворения, всегда звучные, но в которых подлинная поэзия чувства покрывалась какой-то искусственной красотой. И не мудрено: сочинял он стихи преимущественно утром, которое начиналось поздно, разгуливая по комнате в халате. Торопиться было некуда, и, написав одну или две рифмы, он откладывал их до следующего утра. На следующий день написанное накануне подвергалось длительному обдумыванию; слова переставлялись, фразы менялись местами, рифмы заменялись новыми. Иногда маленькое стихотворение писалось и смаковалось в течение двух-трех недель. Такое ленивое творчество губило недюжинный талант поэта».⁹⁴

Упомянута в письмах Жемчужникова (см. письмо б) и другая его свояченица — *Мария Алексеевна Сухотина* (урожд. Дьякова; 1830–1889), жена *Сергея Михайловича Сухотина* (1818–1886), камергера, вице-директора Кремлевского дворцового ведомства, крупного тульского помещика, жившего в Москве.⁹⁵ С Сухотиным были хорошо знакомы как Тургенев, так и Лев Толстой, не раз бывавшие в его имении Кочетах. В 1868 году М. А. Сухотина

⁹⁴ Там же. С. 33, 34.

⁹⁵ По словам П. И. Бартенева, опубликовавшего в 1894 г. его записки, С. М. Сухотин принадлежал «к достопамятным людям нашей Москвы. В течение многих лет был он необходимою принадлежностью высшего и образованного общества, где его любили за прекрасный его характер, живое усердие ко благу родины, многостороннюю начитанность, всегдашнюю готовность идти навстречу всякому добродушному делу и неизменную возвышенность побуждений» (Из памятных тетрадей С. М. Сухотина // *РА*. 1894. № 2. С. 233).

развелась с мужем, оставив троих детей и выйдя позднее замуж за студента С. А. Ладыженского. Скандальные обстоятельства ее длительного романа с Ладыженским современники сопоставляли с сюжетом «Анны Карениной», оставленного мужа — с Карениным. Немаловажно в данном случае, что о приезде М. А. Сухотиной в Германию и ее намерении там задержаться Жемчужников сообщает в письме, датированном началом 1868 года. Тургенев в ответных письмах на просьбы Жемчужникова о содействии М. А. Сухотиной не отвечал, и, видимо, не без причины: о ее семейной истории он не мог не знать. И. П. Борису, одному из самых доверенных своих корреспондентов и также близко знакомому с С. М. Сухотиным,⁹⁶ Тургенев дважды сообщает о его приезде в Баден-Баден. Недосказанности в его письмах красноречивы. За фразой письма от 28 октября (9 ноября) 1867 года: «Не знаю, известно ли Вам, что сюда ждут С. М. Сухотина: все семейство его уже здесь, живет с Жемчужниковыми»,⁹⁷ — угадывается понятное Борису

---

⁹⁶ Навещавший Борису в Новоселках, охотившийся вместе с ним и состоявший в переписке, Сухотин не раз упомянут в письмах Борису к Тургеневу (см.: <Письма к И. С. Тургеневу> И. П. Борису // *ТСб*. Вып. 3–5. Публ. Е. М. Хмельвской; по указ.). В одном из его писем имеются сведения о литературной деятельности М. А. Сухотиной. «Для Пети выписал „Графиню Катю“ (детский ром<ан> с английского) перевод Марьи Алекс<еевны> Сухотиной — жены Серг<ея> Мих<айловича>», — писал Борису Тургеневу из Новоселок 28 января ст. ст. 1866 г. (*ТСб*. Вып. 5. С. 508; здесь ошибочная конъектура: Александровна — вместо: Алексеевна).

⁹⁷ *ПССиП(2). Письма*. Т. 8. С. 60–61. См. также примеч. к письму б. Интересна запись от 18 октября ст. ст. 1868 г. в дневнике С. М. Сухотина: «Прошел целый год печали, несчастий, потери моей милой, незабвенной Манички. Начинается новая для меня жизнь. Не буду возвращаться к этим мрачным временам, которых сердце мое никогда не забудет. В начале сентября возвратились мои дети из чужих краев, и я с ними поселился на наемной квартире, в Десятном переулке <...>» (Из памятных тетрадей С. М. Сухотина // *РА*. 1894. № 4. С. 604). М. А. Сухотиной, «тете Маше», В. А. Оболенский также посвятил несколько страниц воспоминаний. «В течение всего моего детства и отрочества самым близким человеком нашей семьи была сестра моей матери Марья Алексеевна Ладыженская. В раннем моем детстве она жила в Москве, в Кудринском переулке, где у нее был собственный дом, точнее говоря, собственная усадьба. <...> Говорили, что в юности она была красавицей. И не мудрено, что уже с шестнадцати лет к ней стали свататься женихи. В те времена браки по любви были величайшей редкостью. Так было и с моей тетей Машей. В московском свете блистал тогда преображенский офицер, Сергей Михайлович Сухотин. Он был богат, для своего времени образован <...>. Маша стала Марьей Алексеевной Сухотиной, одной из самых красивых и обаятельных женщин Москвы. В муже ей посчастливилось. Сергей Михайлович оказался почтенным и добрым человеком, нежно любил и опекал свою жену, которая была лет на двадцать моложе его, и гордился ее успехами в свете, где у нее появилось много поклонников.

отношение к появлению Сухотина в Бадене. Впрочем, угадываться здесь могут и иные мотивы, если судить по едко-сатирическому, а в отдельных строках и оскорбительному «Письму к С. М. Сухотину в деревню по случаю скупанного им перед отъездом из Москвы персика» (1866?) самого Алексея Жемчужникова. В нем «камергер и патриот» Сухотин — убежденный консерватор, отталкивающий узостью взглядов сторонник идей М. Н. Каткова.

Письма Жемчужникова — свидетельство того, насколько дороги были ему отношения с женой и ее родственным кругом — сестрами, племянницами и племянниками. Семейные и бытовые подробности, преобладающие в его письмах к Тургеневу, интонация доверительной, почти родственной близости говорят о поразительной безыскусственности и душевной открытости их автора. Таким и был, по всей видимости, Алексей Михайлович Жемчужников. И его нерешительность в литературных суждениях в диалоге с Тургеневым можно, вероятно, объяснить отличавшей его скромной оценкой собственных творческих заслуг.⁹⁸

В 1875 году Жемчужников потерял жену, умершую от чахотки. Тяжелая утрата стала мотивом лирического цикла, написанного в начале 1876 года: «Кончено. Нет ее. Время тревожное...», «Гляжу ль на детей и грущу...», «Если б ты видеть могла мое горе...».⁹⁹ В течение нескольких последовавших за смертью жены лет Жемчужников почти не публикуется.

Его переписка с Тургеневым, прерванная в 1870-м, возобновляется в 1877-м. От этого короткого этапа эпистолярного диалога сохранились, как уже отмечалось, три письма Тургенева, письма Жемчужникова, скорее всего, утрачены.

Она тоже привязалась к нему, но, выйдя замуж без любви, все же имела потребность в настоящем чувстве». Когда героем ее романа стал С. А. Ладыженский, продолжал рассказ мемуарист, «добрый Сухотин, убедившись, что его молодая жена не может справиться с заполнившим ее чувством, предложил ей развод. Марья Алексеевна обвенчалась с Ладыженским и поселилась с ним в Кудрине, а ее прежний муж жил неподалеку, в своем особняке в Денежном переулке и, хотя по светским понятиям это считалось „ridicule“, часто бывал в доме своей прежней жены в качестве хорошего знакомого» (*Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники*. С. 41, 42).

⁹⁸ «Я никогда не был популярен, — писал Жемчужников в предварявшем издание его «Стихотворений» (1892) «Автобиографическом очерке». — <...> Несколько последних лет я был в постоянной нерешительности. Мне все хотелось написать еще что-нибудь получше прежнего <...>» (*Жемчужников А. М. Автобиографический очерк*. С. 66). По тонкому наблюдению Полонского, Жемчужников «так умен и так скромн, что сам знает меру сил своих и никогда не становится на ходули» (*Полонский Я. П. «Стихотворения А. М. Жемчужникова»*. Критический разбор. С. 19).

⁹⁹ Три стихотворения были опубликованы: *ОЗ*. 1876. № 4. С. 690–692.

В письме от 26 января (7 февраля) 1877 года Тургенев благодарил адресата за «дружеское и симпатическое письмо» с отзывом о романе «Новь» и, сочувствуя его «невозвратной потере», писал: «Я не часто встречался с Вашей женою — но она осталась в моей памяти как одно из самых прекрасных и чистых русских существ, каких мне только случалось встретить». «Присланные Вами стихотворения, — продолжал Тургенев, — в которых выражается эта скорбь, поразительно правдивы и искренни; а „Совет самому себе“ дышит горьким и веским юмором».¹⁰⁰ Стихотворение «Совет самому себе» (с датой: 25 августа 1876) отразило потребность автора выйти из «минорного тона» («В общественной судьбе / Пора принять участие») и отреагировать на остро звучавший во время сербской войны 1876 года «славянский вопрос», на всплеск шовинистических настроений. Этим настроениям была посвящена и статья Жемчужникова «Русское общественное движение. Письмо к редактору», опубликованная в газете «Голос»,¹⁰¹ о которой Тургенев в том же письме писал: «Ваша статья, написанная Вами в самый разгар нашего напускного шовинизма, была замечена мною; выраженные в ней мнения тесно совпадали с моими; надо было своего рода мужество, чтобы в то время говорить так».¹⁰²

Согласимся, последовательной и бескомпромиссной гражданской позиции Жемчужникова дана высокая оценка.¹⁰³

В письме от 5 (17) марта 1877 года Тургенев вновь благодарил своего корреспондента за «теплое — и умное письмо» с замечаниями о романе «Новь» и просил прислать упомянутые им (а Тургеневым не прочитанные) стихи, помещенные в апрельском номере «Отечественных записок» за 1876 год, то есть стихи, написанные Жемчужниковым на смерть жены. Наконец, в письме от 7 (19) апреля 1877 года писатель подтвердил свою высокую оценку

---

¹⁰⁰ ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 39. Речь идет о названных выше стихотворениях Жемчужникова на смерть жены. О цензурной и издательской истории стихотворения «Совет самому себе» см.: Жемчужников. С. 120–123, 356–357.

¹⁰¹ Голос. 1876. 20 октября (1 ноября). № 290. С. 1–2.

¹⁰² ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 39.

¹⁰³ Исключительно высокой оценки достоинство поэта Вл. Соловьев, писавший: «Преобладающий элемент в поэзии Жемчужникова — искреннее, глубоко прочувствованное и метко выраженное негодование на общественную ложь; Жемчужников представляет крайне редкий в наше время пример истинного патриота, болезненно чувствующего действительное зло своей родины и желающего ей настоящего добра. Ходячая ложь, подменивающая патриотизм грубым национальным самомнением и шовинизмом, беспощадно обличается в сатирах Жемчужникова. <...> В истинном патриотизме нежная любовь к родине неразлучна с жгучею ненавистью к ее действительным врагам». Он отметил также, что в поэзии Жемчужникова «много чистого лиризма» (Соловьев Вл. Жемчужников А. М. // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. СПб., 1894. Т. XI^А. С. 857–858).

(«...лучше их Вы никогда ничего не написали. Но, я полагаю, Вы бы дорого дали, чтобы не иметь случая их написать») и выразил признательность «за сообщенные сведения о „Нови“». ¹⁰⁴ Этим письмом завершается переписка Тургенева с Алексеем Жемчужниковым.

В 1880-е и 1890-е годы Жемчужников вновь много пишет и публикуется, продолжая в лирике сложившуюся гражданско-публицистическую традицию, — к примеру, в стихотворении «На родине», написанном в 1884 году, в год возвращения в Россию:

Твоя природа так прелестна,
Она так скромно-хороша!
Но нам, сынам твоим, известно,
Как на твоём просторе тесно
И в узах мучится душа...

О край ты мой! Что ж это значит,
Что никакой другой народ
Так не тоскует и не плачет,
Так дара жизни не клянет? ¹⁰⁵

Создает Жемчужников в поздние годы и чистейшие образцы «наивной» лирики, вроде:

Зима идет, морозом вея...
И я, как все, ей тоже рад;
И воробьи еще резвее
В кустах, чирикаая, шуршат.

Гостеприимный запах дыма
Из труб доносится ко мне;
Роняя снег, проходят мимо
Под солнцем тучки в тишине.

Как тихо там, в дубовой роще!
Как в чистом воздухе свежо!..
Что может быть на свете проще,
И как всё это хорошо! ¹⁰⁶

В дневнике, озаглавленном «Лиза», который Жемчужников вел много лет в форме разговоров с женой, получив известие о смерти Тургенева, он 8 сентября н. ст. 1883 года сделал следующую запись: «Прочел в „Figaro“ подтверждение смерти Тургенева. По вскрытии оказалось, что у него рак на

¹⁰⁴ См.: ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 86–87, 114.

¹⁰⁵ Жемчужников. С. 142.

¹⁰⁶ Там же. С. 152.

спинном хребте. Грустно. Мне его жаль не только как писателя, но просто как человека. Милый, симпатичный человек. Все человеческое было ему доступно. Он был всесторонен. Думал, чувствовал, наслаждался жизнью. Очень образован. Глубокое раздумье и смех были ему равно доступны. Был деятелен. Написал много. Мне очень жаль, что я не успел написать ему несколько слов в последнее время. Иногда казалось, что не кстати беспокоить его во время его страданий; а иногда, что он проживет еще дольше. Мы его очень любили. Он крестил в Штутгарте нашу Настю».¹⁰⁷

1

26 мая (7 июня) 1866 года. Швальбах

7 июня 1866 г. Schwalbach.
Villa Scheuermann.

Потрудитесь, милый и любезный Иван Сергеевич, передать прилагаемые при сем деньги: 47^a флоринов (сорок семь гульденов)^b от имени моей жены¹ и княгини Оболенской² Ольге Васильевне Васильчиковой за присланные ею чулки. Я решился потревожить Вас этою просьбой, потому что мы не знаем наверно: поедут ли еще Васильчиковы³ в Баден или уже уехали в Россию. Если они уже уехали, то я очень прошу Вас оставить эти деньги у себя впредь до их возвращения. Посылать их прямо на имя Васильчиковых и на авось мы не решились.

Мы прожили в Гейдельберге неделю, виделись часто с Фридрихом,⁴ и он имел возможность ознакомиться коротко с нашими недугами. По его совету мы приехали сюда собственно для моей жены, княгини Оболенской и ее старшей дочери,⁵ которая в Бадене пользовалась с таким успехом у Вас. Покуда воды Швальбаха производят у ней тошноту и мигрени; от Вашей же мази⁶ она ничего кроме пользы не ощущала. Народу здесь покуда мало; мы имели по этой причине возможность поместиться в одном из лучших домов, на одном из лучших мест просторно и с хорошим обедом за умеренную цену. Пробудем здесь еще месяц. А потом куда-нибудь на море, а потом в Швейцарию на виноградное ле-

---

¹⁰⁷ *Жемчужников А. М. «Лиза». Дневник. Часть пятая (РГБ. Ф. 101. 4801. Л. 61 об.). Сохранились 9 тетрадей дневников за 1882–1886 и 1893–1908 гг.*

^a Было: 46

^b Слова в скобках вписаны под строкой.

чение,⁷ а потом, к сожалению моему, в Россию. Я теперь в таком настроении духа, что мне на родину покуда совсем не хочется.⁸ Я очень желал бы зимовать за границей, и именно в Бадене, который оставил во мне и в моей жене самое приятное впечатление.⁹ Но курс наш так страшно плох и денег вследствие этого так мало, что и думать, кажется, об этом не следует.

Напишите мне, пожалуйста, несколько строк в уведомление, что Вы получили от меня деньги и письмо, и вместе напишите, как имя и отчество Авдеева. Никак не могу вспомнить; боюсь, что не вспомню и после, а между тем мне хочется написать ему. Ведь он, кажется, в Содене?¹⁰

Передайте мое глубокое уважение Mme Viardot. Будьте здоровы. Дружески жму Вашу руку.

Алексей Жемчужников.

Мы нашли более удобным, как для Вас, так и для нас, расквитаться с Васильчиковыми скорее, а потому просим, в случае что они уже выехали из Бадена, переслать нам деньги обратно по вышеписанному адресу.

Моя жена, княгиня Оболенская и дети¹¹ Вам кланяются.

При этом прилагается также маленький счет чулкам (присланный нам Ольгою Васильевною) для проверки. Этот счет написан английскою монетою. В случае что пришлете нам деньги назад, присоедините к ним и эту бумажку.^в ¹²

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 1–2 об.

Ответное письмо Тургенева от 30 мая (11 июня) 1866 г. из Баден-Бадена на письма 1 и 2 см.: *ПССиП(2)*. Письма. Т. 7. С. 43–44.

¹ О Е. А. Жемчужниковой (урожд. Дьякова), жене А. М. Жемчужникова, см. во вступит. статье.

² О княгине А. А. Оболенской (урожд. Дьякова), сестре Е. А. Жемчужниковой, см. во вступит. статье.

³ *Васильчиков Александр Алексеевич* (1832–1890) — историк, генеалог, искусствовед, коллекционер; с 1856 г. около десяти лет состоял на дипломатической службе при русских миссиях в Риме и Карлсруэ; гофмейстер Двора (1879); в 1879–1888 гг. директор имп. Эрмитажа, в 1882–1886 гг. председатель имп. Археологической комиссии; брат Е. А. Черкасской (урожд. Васильчикова), детской писательницы, с которой Тургенев был знаком с 1840-х гг. Жена А. А. Васильчикова — *Ольга Васильевна Васильчикова* (урожд. Олсуфьева; 1835–1915). См. о Васильчикове: *Новикова Е. Б.* А. А. Васильчиков — знакомый И. С. Тургенева и претендент на покупку

^в Окончание письма притисано слева на полях 1-й страницы.

Спасского-Лутовинова // Спасский вестник. 2005. Вып. 12. С. 232–239 (здесь, в частности, отмечено, что А. А. Васильчиков не имел княжеского титула).

⁴ *Фридрих Николаус* (Friedreich; 1825–1880) — известный гейдельбергский врач-терапевт, профессор, у которого Тургенев неоднократно консультировался и лечился.

⁵ Имеется в виду *Елизавета Андреевна Оболенская* (в первом браке Волкова; во втором Дубенская; 1855–1888), старшая дочь А. А. Оболенской (в последующих письмах Жемчужников упоминает о ней как о племяннице и племяннице жены; см. письма 2, 7, 10, 16, 22). Е. А. Оболенская была замужем за *Евгением Степановичем Волковым* (ум. 1878), возглавлявшим в 1870–1875 гг. в гимназии кн. Оболенской учительский совет (см.: *Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники*. С. 21); о гимназии см. во вступит. статье.

⁶ О присылке из Берлина мази (для лечения ревматизма в левой руке, осложненного воспалением надкостницы) Тургенев просил Л. Пича в письме от 19 (27) февраля 1866 г., сообщая: «Дело в том, что 3 или 4 года назад у меня было воспаление надкостницы на ноге — и комиссионер в гостинице „С.-Петербург“ в Берлине снабдил меня мазью <...>. Мне она помогла быстро и основательно. Сделайте милость, справьтесь в гостинице „С.-Петербург“ — и, если возможно, пришлите мне рецепт. Кажется, там еще тот же комиссионер» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 7. С. 230. Подлинник по-нем.). А в письме от 12 (24) марта Тургенев уже благодарил Пича: «Ваша мазь так помогла мне, что я обращаюсь к Вам с просьбой прислать мне ее *рецепт*, — а если нельзя, то хоть еще одну баночку (побольше) — так как этот бальзам уже на исходе. Если за копию этого рецепта хотят денег, я охотно дам их» (Там же. С. 231. Подлинник по-нем.).

⁷ Отвечая 7 (19) октября 1866 г. на несохранившееся письмо Жемчужникова, Тургенев желал ему «благополучно и с пользой окончить <...> трудное виноградное лечение» (Там же. С. 67).

⁸ В Россию Жемчужников вернулся только в 1884 г. Понимая и разделяя его нежелание возвращаться в Россию и имея в виду главным образом газетную шумиху, связанную с покушением Д. В. Каракозова на Александра II, Тургенев в письме от 30 мая (11 июня) 1866 г. писал: «Нежелание Ваше возвратиться в Россию — мне более понятно: там всё еще свирепствует Комиссаров. Я душевно предан государю; но это „ломание стульев“ — из рук вон» (Там же. С. 43). Мастеровой О. И. Комиссаров, который по официальной версии отвел руку Д. В. Каракозова в момент выстрела, был объявлен народным героем и возведен в дворянское достоинство. О чествовании Комиссарова с сарказмом отзывался Герцен в «Колоколе» (см.: *Герцен*. Т. 19. С. 59–60, 65 и др.; ср.: *Никитенко*. Т. 3. С. 81; см. также примеч. Т. П. Головановой к письму 1842: *ПССиП(2). Письма*. Т. 7. С. 319).

⁹ Хронологию жизни семьи Жемчужниковых в Баден-Бадене, Гейдельберге, Штутгарте и Висбадене см. во вступит. статье.

¹⁰ Беллетрист и критик *Михаил Васильевич Авдеев* (1821–1876) в 1865–1866 гг. жил за границей, весной 1866 г. (до конца апреля) — в Баден-Бадене, где часто встречался как с Тургеневым, так и с Жемчужниковым (см. письма Тургенева № 1829–1831 и примеч. к ним: *ПССиП(2). Письма*. Т. 7). С конца апреля Авдеев жил в Содене, откуда в большом письме к Тургеневу от 9 (21) мая 1866 г., в частности, сообщал: «А Жемчужников как в воду канул» (*Т Сб.* Вып. 1. С. 411). На вопрос

Жемчужникова об Авдееве Тургенев отвечал 30 мая (11 июня) 1866 г.: «Авдеев находится в Содене — имя и отчество его Михаил Васильевич; он очень желал увидаться с Вами и просил переслать телеграмму из Франкфурта; впрочем, Вы в Швальбахе от него в двух шагах» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 7. С. 43). Об отношениях Жемчужникова с Авдеевым см. подробнее во вступит. статье.

¹¹ Дочери Жемчужниковых Ольга и Лидия; см. о них во вступит. статье.

¹² В ответном письме от 30 мая (11 июня) Тургенев писал: «Любезнейший Жемчужников, возвращаю Вам присланные деньги и записочку — так как Васильчиковы уже в прошлый четверг уехали отсюда в Россию» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 7. С. 43). Позднее, в письме от 7 (19) октября 1866 г., отвечая на несохранившееся письмо Жемчужникова, он повторял: «Васильчиковы не воротились в Баден — и, сколько мне известно, кажется, не воротятся — так как они выписывают свои вещи назад в Россию; говорили даже, что они намерены здесь всё продать с аукциону» (Там же. С. 67). Васильчиковы жили в Бадене с 1864 г., вернулись в Москву в 1866-м. Посетив их год спустя, Тургенев писал Полине Виардо: «Вчера вечером я отправился к длинному Васильчикову, чтобы повидать его сестру, княгиню Черкасскую, очень милую женщину; г-жа Васильчикова говорит о Баден-Бадене с живейшим сожалением. Я поддакивал ей, как вы, конечно, можете себе представить» (Там же. С. 269. Письмо от 9, 10 (21, 22) марта 1867 г. Подлинник по-франц.).

2

27 мая (8 июня) 1866 года. Швальбах

27 мая
8 июня.

Изготовленное к Вам вчера письмо пролежало день, а между тем я имел удовольствие получить сегодня письмо от Вас.¹ — Княгиня Оболенская и ее дочь очень благодарят Вас за присылку адреса берлинского автора мази.² Как она, так и моя жена еще раз Вам кланяются. — У меня есть надежда, впрочем ни на чем не основанная, что войны не будет.³ В Россию, как я уже Вам писал вчера, ехать не хочется, но, должно быть, поеду.⁴ — Все мы сердечно сожалеем о нездоровье г-жи Виардо и желаем ей скорого и совершенного выздоровления.⁵

Крепко жму Вам руку.

Алексей Жемчужников.

Пожалуйста, не забудьте! моей просьбы относительно Авдеева.⁶ — Русские газеты выписываю из гейдельбергской русской читальни.⁷ В здешнем кабинете для чтения есть отголоски русской печати.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 9–9 об.

Год устанавливается на основании ответного письма Тургенева от 30 мая (11 июня) 1866 г., которым он откликнулся на письма 1 и 2 (см.: *ПССуП(2). Письма*. Т. 7. С. 43–44).

¹ Это письмо Тургенева неизвестно.

² См. примеч. 2, 5, 6 к письму 1.

³ В цитированном выше ответном письме от 30 мая (11 июня) 1866 г. Тургенев так реагировал на это предположение: «Я недоумеваю — на чем могут быть основаны надежды Ваши на мир: кажется, в это самое мгновение потасовка уже началась» (*ПССуП(2). Письма*. Т. 7. С. 43). М. В. Авдееву Тургенев писал незадолго до этого, 1 (13) мая: «Здесь уже не берут прусских талеров: война надвигается как туча — висит прямо над головою, уж поскорей бы!» (Там же. С. 33). Речь шла о начале австро-пруско-итальянской войны 1866 г., в истории Германии известной как Германская или Семинедельная война. Конфликт Пруссии и Италии с Австрийской империей за главенство в Германии, длившийся семь недель (с 17 июня по 26 июля н. ст. 1866 г.), завершился поражением Австрийской империи, ее выходом из Германского союза и переходом гегемонии к Пруссии, возглавившей Северогерманский союз. Манифест о начале войны был обнародован 17 июня, однако вооруженные столкновения начались еще раньше.

⁴ См. примеч. 8 к письму 1.

⁵ О нездоровье П. Виардо речь, видимо, шла в несохранившемся письме Тургенева (см. примеч. 1). Отвечая Жемчужникову 30 мая (11 июня), он повторял: «...к сожаленью, г-жа Виардо плохо поправляется» (*ПССуП(2). Письма*. Т. 7. С. 44).

⁶ См. примеч. 10 к письму 1.

⁷ Русская читальня была основана в 1862 г. учившимися в Гейдельберге русскими студентами. Читальня стала не только клубом, где проходили собрания русской радикально настроенной молодежи, но и центром конспиративной пропагандистской организации. Наряду с легальными русскими изданиями в читальне были доступны и запрещенные в России лондонские издания Герцена, сочинения немецких материалистов, социалистическая литература. Участницей гейдельбергского студенческого кружка представлена в финале «Отцов и детей» Кукшина («Она по-прежнему якшается с студентами <...> двумя-тремя химиками, не умеющими отличить кислорода от азота, но исполненными отрицания и самоуважения»), что вызвало резкую критику в адрес Тургенева (см.: *ПССуП(2). Соч.* Т. 7. С. 187; примеч. А. И. Батюто: С. 467). Об этом эпизоде писатель упоминал в письме к К. К. Случевскому от 14 (26) апреля 1862 г. (*ПССуП(2). Письма*. Т. 5. С. 59; примеч. Т. П. Головановой: С. 431–432). На начальных этапах работы над «Дымом» Тургенев неоднократно ездил в Гейдельберг. Настроения русских студентов, «диких русских юношей», как он писал М. А. Маркович (Там же. С. 108), претендовавших на роль политических эмигрантов, отражены в «Дыме» в памфлетных «гейдельбергских арабесках»; см. примеч. Е. И. Кийко к «Дыму» и к письму Тургенева к Герцену от 5 (17) мая 1867 г. (*ПССуП(2). Соч.* Т. 7. С. 513; *Письма*. Т. 7. С. 382); см. также: *Муратов А. Б.* 1) О «гейдельбергских арабесках» в «Дыме» Тургенева // *РЛ*. 1959. № 4. С. 199–202; 2) «Гейдельбергские арабески» в «Дыме» // *ЛН*. Т. 76. С. 71–105; и др.

2 (14) июня 1866 года. Швальбах

14 июня. Schwalbach.
Villa Scheuermann.

Милый и любезный Иван Сергеевич, один очень близкий мне знакомый и отличный во всех отношениях юноша — Александр Иванович Барановский, путешествовал по разным странам Европы и на этих днях, на обратном пути в Россию, заедет в Баден.¹ Сейчас я получил от него из Парижа письмо, в котором он выражает сильное желание познакомиться с Вами как с человеком, «которого еще со школьной скамьи он привык любить и уважать заочно». Он спрашивает: может ли явиться к Вам, и убедительно просит меня написать Вам несколько рекомендательных строк. Зная, что Вы добры и любите хороших людей, я отвечал ему, что он может к Вам явиться, а Вас очень прошу его принять. Мне кажется, что он непременно понравится Вам: очень добрая, умная,^a живая, но несколько застенчивая личность.

Итак, любезнейший Иван Сергеевич, пожалуйста, примите его. Все Вам кланяются, а я дружески жму Вашу руку.

Алексей Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 3–3 об.

Год устанавливается по месту пребывания Жемчужникова — в Швальбахе.

Ответное письмо Тургенева неизвестно.

¹ Сведения о встрече Тургенева с *Александром Ивановичем Барановским* (1836–1898) летом 1866 г. отсутствуют. Известно о его встрече с ним в Баден-Бадене в октябре 1869 г. — до 12 (24) октября, когда Тургенев составил для Барановского рекомендательное письмо, адресованное Джону Шоу-Лефевру (см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 10. С. 66–67; *Летопись (1867–1870)*. С. 146). О Барановском, «подателе письма», Тургенев сообщал Шоу-Лефевру: «До сих пор он исполнял должность мирового судьи в С.-Петербурге, а сейчас отправляется <...> в Индию, чтобы установить прямую пароходную линию между Одессой и Бомбеем» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 10. С. 304. Подлинник по-франц.). Жемчужникову Тургенев писал из Баден-Бадена 22 октября (3 ноября) 1869 г.: «Я очень рад, что Вы дали о себе весточку, любезный Жемчужников — а то я не знал, где Вас мысленно искать. Хотя Барановский (Александр) — (который провел здесь два дня и ожидал Вас здесь видеть) — и предполагал, что Вы находитесь в Висбадене — однако всё это было гадательно» (Там же. С. 70).

^a Слово вписано над строкой.

7 (19) июня 1867 года. Оттерсвайер

Милый Иван Сергеевич,

Я никак не мог до сих пор попасть в Баден. Собирался сегодня, между прочим для квартета, и опять не могу. Наша нянюшка больна; моя жена в беспокойстве и в хлопотах, и мне поэтому не хочется от нее уезжать.¹ — Я прочел в «Liste des étrangers»,^a что В. П. Боткин приехал в Баден.² Долго ли он здесь пробудет и увижусь ли я с ним? Покуда крепко жму его руку заочно. — Я надеялся читать здесь «Московские ведомости»,³ которые обещал присылать мне Набоков,⁴ но до сих пор не получил ни одного номера. Между тем чувствую большую потребность в русских газетах. Пожалуйста, пришлите мне *за две последние недели* или даже с 15 мая: «Петербургские ведомости» и «Голос», который Вы также, кажется, получаете.⁵ Присоедините к этому: «Семейную хронику» Аксакова⁶ и те книжки «Архива»,⁷ которые Вам не нужны. Я бы также просил Вас зайти в магазин Marx⁸ и попросить одну из любезных хозяек прислать мне для прочтения «Московские ведомости» с 15 мая; но боюсь, что и без того причиняю Вам много скучных хлопот. Будьте снисходительны и распорядитесь, пожалуйста, так, чтобы отсылка мне газет и книг не стоила Вам никакого труда.⁹ Поручите это Вашей хозяйке. Прошу Вас также, чтобы это ничего не стоило Вам и в денежном отношении. — В воскресенье постараюсь быть в Бадене на музыкальном утре Mme Viardot.¹⁰ Моя жена Вам кланяется, а я дружески жму Вашу руку.

А. Жемчужников.

19 июня 67.

Hôtel des bains de la Houb
(station Ottersweier).¹¹

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 5–6 об.

Тургенев с 3 (15) по 7 (19) июня 1867 г. находился в Париже, ежедневно посещая Всемирную выставку, вернулся в Баден-Баден 11 (23) июня и на это письмо отвечал 15 (27) июня короткой запиской (см.: *ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 8. С. 8). См. также его записку Жемчужникову от 17 (29) мая 1867 г. (Там же. Т. 7. С. 206).

¹ В феврале 1867 г. у Жемчужниковых родилась дочь (сведения о ней не найдены). Об этом 14, 15 (26, 27) февраля Тургенев писал П. Виардо: «Только что ушел

^a «Списке приезжающих» (*франц.*).

от меня Жемчужников — он сообщил, что жена его — вполне благополучно — произвела на свет девочку и что всё идет очень хорошо» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 7. С. 261. Подлинник по-франц.). О том же 16 (28) февраля Тургенев сообщал Н. Н. Рашет: «У Жемчужниковой родилась дочка — la mère et l'enfant se portent bien (мать и дитя чувствуют себя хорошо — *франц.*)» (Там же. С. 118).

² О намеченной поездке в Баден-Баден В. П. Боткин писал Тургеневу из Петербурга 23 апреля (5 мая) 1867 г., а в письме из Берлина от 8 (20) мая извещал его: «...я послал свои чемоданы в Баден на твой адрес. Сделай одолжение, прими их и вели положить где-нибудь у себя до моего приезда, который имеет быть недели через две». В письме из Зальцбурга от 1 июня н. ст. Боткин просил снять для него комнату в Hôtel de l'Angleterre, уточняя: «В Бадене думаю я прожить числа до 20 или 25 июля, а приеду туда 5 июня к вечеру <...>» (*Боткин и Т.* С. 263–267). О приезде Боткина Тургенев 11 (23) мая 1867 г. писал Анненкову: «Боткин еще не прибыл сюда, но выслал вперед из Берлина два громадных чемодана, которые стоят у меня в спальне, — сам же дал стрелка в Вену». 24 мая (5 июня) он сообщал М. А. Милутиной, также направлявшейся в Баден: «...в силу полученной вчера телеграммы — Великий Могол приезжает сюда сегодня в ½ 1-го или ½ 4-го и я, имев неосторожность взять для него комнату не в Hôtel d'Europe, а в Hôtel d'Angleterre, — должен с раболепством ожидать его на железной дороге» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 7. С. 205, 210–211).

³ Редакторами-арендаторами газеты «Московские ведомости», консервативно-оппозиционной по отношению к реформам Александра II, с 1863 г. были М. Н. Катков и П. М. Леонтьев, в 1875–1887 гг. — единолично М. Н. Катков. Об отношении к Каткову Жемчужникова и Тургенева см. подробнее во вступит. статье, а также в примеч. к письмам 18 и 20.

⁴ Вероятно, Дмитрий Николаевич Набоков (1827–1904) — государственный деятель эпохи реформ, сенатор (с 1864 г.), член Государственного совета (с 1876 г.), министр юстиции в 1878–1885 гг. С ним А. М. Жемчужникова связывала, судя по всему, совместная служба в Сенате и Министерстве юстиции. Окончив в 1845 г. Училище праведения, Набоков недолгое время служил в Сенате, затем, с 1846 по 1853 г. — на разных должностях в Министерстве юстиции. О служебной карьере Жемчужникова см. во вступит. статье. Кроме того, в ИРЛИ хранится письмо некоего П. Набокова (№ 5824) к Тургеневу, посланное из Баден-Бадена. Дополнительных сведений о нем обнаружить не удалось.

⁵ Русские газеты и журналы Тургенев выписывал регулярно, в оформлении подписки ему содействовали П. В. Анненков, В. П. Боткин, И. И. Маслов и другие. Так, например, в феврале 1866 г. Анненков сообщал Тургеневу, что В. Ф. Корш (в 1863–1874 гг. редактор и арендатор «Санкт-Петербургских ведомостей») обещал «преподнести» Тургеневу свою газету «даром» (*Анненков. Письма*. Кн. 1. С. 182). Высказывая в ответном письме от 9 (21) февраля благодарность Коршу за его «великодушное намерение», Тургенев, однако, в нем усомнился: «...боюсь, как бы это намерение так и не осталось намереньем, ибо пересылка ведь денег стоит <...>» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 7. С. 16). Основателем и редактором-издателем ежедневной петербургской политической и литературной газеты «Голос» в 1863–1883 гг. был А. А. Краевский, остававшийся также до декабря 1867 г. издателем «Отечественных записок». Тургенев писал Анненкову 20 апреля (2 мая) 1867 г.: «Если Вы еще

не говорили с Краевским, то скажите ему, что я так и не получил двух декабрьских номеров „Отечественных записок“ за прошлый год, на которые был подписан. Вообще в последнее время все журналы, словно по команде, прекратили свое появление ко мне: даже „Русский вестник“ за нынешний год изъявил презрение. Я об этом написал Каткову <...>» (Там же. С. 187). И тогда же, 23 апреля (5 мая), Боткин извещал Тургенева: «На „Голос“ подписался я для тебя до 1-го января, а на „Петербургские ведомости“ подписаться не решился, по крайней ничтожности, в которую они превратились» (*Боткин и Т.* С. 263). В январе 1868 г. Тургенев напоминал Анненкову, что рассчитывает получать, помимо ведущих изданий, также «Весть», «Искру», «Современное обозрение» (см.: *ПССиП(2). Письма.* Т. 8. С. 106).

⁶ «Семейная хроника» *Сергея Тимофеевича Аксакова* (1791–1859), работа над которой продолжалась около полутора десятилетий, была впервые опубликована (в неполном виде, без двух последних отрывков) под одной обложкой с его «Воспоминаниями» в 1856 г.; в том же году была издана отдельно в завершённом виде (СПб., 1856).

⁷ Имеется в виду московский историко-литературный журнал «Русский архив», основанный в январе 1863 г. и редактировавшийся до 1912 г. П. И. Бартевым.

⁸ Магазин неоднократно упоминается Тургеневым в письмах (см.: *ПССиП(2). Письма.* Т. 7. С. 16, 71, 187 и др.). Так, 20 апреля (2 мая) 1867 г., прося Анненкова о присылке «Голоса» и «Санкт-Петербургских ведомостей», Тургенев сетовал: «У Маркс получают из петербургских журналов один „Journal de St-Pétersbourg“» (Там же. С. 188). Изначально владельцем магазина был *Давид Рафаэль Маркс* (Marx; ум. ок. 1870), а уже после его смерти — его дочь *Розалия Маркс*. См. дополненный и исправленный указатель к книге *Анненков. Письма*: <http://dspace.ucalgary.ca/bitstream/1880/46909/1/Annenkov.Dopolnenie.Ukazatel.pdf>

⁹ О присылке газет и журналов Жемчужников просил Тургенева не впервые. К примеру, 7 (19) ноября 1866 г. Тургенев сообщал ему: «Посылаю Вам „Отечественные записки“ и „Русский вестник“ за 4 месяца. Когда Вы это прочтете, я Вам предоставлю другие». В январе — феврале 1867 г. Тургенев дважды извещал Жемчужникова об отсылке ему газет и журналов: «Посылаю Вам <...>, по Вашему желанию, „Вестников“»; «Посылаю Вам всем N<номер>a „Санкт-Петербургских ведомостей“ с начала года <...>» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 7. С. 75, 113, 114; см. также примеч. Т. П. Головановой к письмам 1878, 1917, 1918). На последнюю просьбу Тургенев откликнулся 15 (27) июня, сообщая: «Вот Вам журналы, любезный Жемчужников <...>» (Там же. Т. 8. С. 8).

¹⁰ Речь идет о воскресенье 11 (23) июня; в этот день Тургенев вернулся в Баден-Баден из Парижа. Накануне, в письме к Полине Виардо от 4, 5 (16, 17) июня, он упоминал о «меню», то есть программе «музыкального утра» («*matinée*»). В записке Жемчужникову в четверг 15 (27) июня Тургенев сообщал, что «в воскресенье *matinée* у г-жи Виардо отменено» (Там же. Т. 7. С. 220, 289, 395, 396; Т. 8. С. 8; также см. коммент. Н. П. Генераловой и А. Я. Звигильского о «*matinées*» на вилле Виардо: Там же. Т. 9. С. 327; кроме того: *Чистова И. С.* Тургенев и музыкальные утреники в Баден-Бадене // *Т Сб.* Вып. 1. С. 315–319).

¹¹ Оттерсвайер (*нем.* Ottersweier) — местечко к юго-западу от Баден-Бадена в королевстве Вюртемберг.

5

21 июня (3 июля) 1867 года. Оттерсвайер

3 июля. Hôtel des bains de la Houb,
station Ottersweier.

В воскресенье я оставил на Вашем столе записочку, в которой просил Вас, любезный Иван Сергеевич, прислать мне «С<анкт>-П<етер>бургские ведомости» и «Голос»;¹ но мне кажется, что я ошибся в обозначении номеров. Очень прошу Вас потрудиться отослать к portier отеля Zähringer-Hof свободные номера обеих газет, начиная с 158-го № и той и другой.²

Нашли ли Вы у себя адрес Плещеева?³ Если нашли, то пришлите, пожалуйста, и его. В воскресенье надеюсь быть у Вас в 11 ½ часов, а может быть, приеду в Баден и прежде.

Алексей Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 7–7 об.

Год устанавливается по содержанию, в соответствии с датировкой упоминаемой «записочки» (см. письмо 4) и ответного письма Тургенева от 23 июня (5 июля) 1867 г. См.: *ПССиП(2)*. Письма. Т. 8. С. 15–16.

¹ См. письмо 4.

² «Любезный Алексей Михайлович, — отвечал Тургенев, — вчера послал Вам „С<анкт>-П<етер>бургские ведомости“ начиная с 158-го №. „Голос“ задержан кроважным Боткиным. В воскресенье Вы всё получите. Жду Вас ½ 12-го» (*ПССиП(2)*). Письма. Т. 8. С. 15–16).

³ О знакомстве и переписке Жемчужникова с *Алексеем Николаевичем Плещеевым* (1825–1893), поэтом, переводчиком, драматургом, прозаиком, см. подробнее во вступит. статье. Тургенев был знаком с Плещеевым со второй половины 1840-х гг., однако в переписке с ним не состоял. В той же ответной записке Тургенев сообщал Жемчужникову, что «адрес Плещеева никак не мог найти», и высылал московский адрес И. И. Маслова, от которого Плещеев «живет в двух шагах», предлагая написать Маслову (*ПССиП(2)*). Письма. Т. 8. С. 16).

6

10 (22) или 17 (19) января
или 24 января (5 февраля) 1868 года. Баден-Баден

Я заходил к Вам два раза, любезный Иван Сергеевич, чтобы спросить Вашего совета по следующим предметам. Так как Вы давно живете

в Бадене, то Вам может быть известно: 1) к кому можно было бы обратиться в Гейдельберге с просьбой преподавать греческий, латинский и немецкий языки молодому человеку, уже вступившему в университет? Или, быть может, Вы укажете на профессора филолога, к которому можно было бы отнестись за такими советами. В таком случае не могли бы Вы снабдить Марью Алексеевну Сухотину (приехавшую сюда из Москвы)¹ рекомендательным письмом к такому лицу. Дело идет о ее сыне,² желающем продолжать свои занятия этими языками в течение зимы, а также и посещать лекции Гейдельбергского университета. 2) Если бы Марья Алексеевна осталась на зиму в Бадене, то не знаете ли Вы такое лицо, которое сочло бы возможным и было бы вполне способно исполнить вышеписанные условия, приезжая для лекций сюда раза два в неделю?

Пожалуйста, дайте мне ответ завтра утром. Крепко жму Вашу руку.

А. Жемчужников.

Четверг вечером.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 43–44.

Датируется январем ст. ст. 1868 г. Судя по содержанию, отправлено из Баден-Бадена незадолго до переезда семьи Жемчужниковых в Гейдельберг (где предполагал учиться в университете племянник Жемчужникова; см. о нем примеч. 2 к наст. письму). Точное время переезда Жемчужникова с семьей из Баден-Бадена в Гейдельберг неизвестно, однако его письмо Некрасову от 7 (19) января написано еще из Баден-Бадена, из отеля Zähringer Hof, следующее же письмо Некрасову от 26 января (7 февраля) отправлено уже из Гейдельберга, из отеля Victoria (см.: *Жемчужников А. М. Письма к Некрасову*. С. 274–275), как и публикуемое ниже письмо 7. Следовательно, данное письмо могло быть написано только в промежуток между 7 и 26 января ст. ст.; четверги в 1868 г. приходились на 10, 17 и 24 января ст. ст.

Ответное письмо Тургенева неизвестно.

¹ О М. А. Сухотиной (урожд. Дьякова) и ее семье, а также об отношении Тургенева к ее семейной ситуации см. во вступит. статье. М. А. Сухотина с детьми приехала в Баден-Баден осенью 1867 г., не позднее 28 октября (9 ноября), когда Тургенев сообщал об этом в письме к И. П. Борисову (см.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 8. С. 60–61). Вполне вероятно, что к январю 1868 г. относится записка Тургенева к Жемчужникову (ответ на его несохранившееся письмо; предположительно датирована январем — 27 мая (8 июня) 1868 г.): «Я только что отправил к Вам письмо, любезнейший Алексей Михайлович, и очень рад, что Вы с С. М. Сухотиным приехали сюда, — завтра в 12 часов я не буду дома — а приходите оба в 1 час, — но к этому времени Вы уже, вероятно, кончите свой завтрак — и потому мы просто побеседуем» (Там же. С. 204–205). О С. М. Сухотине см. во вступит. статье.

² Речь, вероятно, идет о *Михаиле Сергеевиче Сухотине* (1850–1914), позднее (с 1899 г.) муже Т. Л. Толстой, старшей дочери Льва Толстого. В первом браке у М. А. Сухотиной было трое детей, дочь Елизавета (см. примеч. 3 к письму 7) и сыновья Михаил и Сергей. И. П. Борисову Тургенев писал 1 (13) декабря 1867 г.:

«Семейство Сухотина здесь — и молодой Сухотин тут. Он, кажется, добрый мальчик — но болезненный и слабый» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 8. С. 79).

7

2 (14) марта 1868 года. Гейдельберг

14 марта. 1868. Hôtel Victoria.
Heidelberg.

Любезный Иван Сергеевич, если у Вас теперь нет той чудотворной мази, которая некогда излечила руку моей племянницы Оболенской,¹ то потрудитесь мне прислать поскорее адрес того господина в Берлине, у которого можно добыть эту мазь, и потрудитесь меня научить, как нам написать ему, чтобы он знал, о какой именно мази идет дело.² Мы хотим излечить ею руку другой племянницы моей Сухотиной.³ На будущей неделе собираюсь в Баден.⁴ Хочу навестить Н. А. Милютину,⁵ но приеду с ранним поездом, для того чтобы навестить и Вас, хотя Вы, надеюсь, совершенно здоровы; ибо не скрою от Вас, что мне очень хочется Вас видеть и что я несколько раз уже чувствовал, что давно Вас не видал. Крепко жму Вашу руку. Моя жена Вам кланяется.

Алексей Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 11–12.

Ответное письмо Тургенева от 4 (16) марта 1868 г. из Баден-Бадена см.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 8. С. 144.

¹ О племяннице Оболенской см. примеч. 5 к письму 1 и упоминания в письмах 2, 10, 16, 22.

² О «чудотворной мази» см. примеч. 6 к письму 1. Тургенев в указанном выше ответном письме сообщал: «Мази у меня больше нет — но вот адрес ее творца: Herr Zimmermann (Barbier — Chirurg und Heilgehülfe) — Rosenthalerstrasse, 20, Berlin. А называется мазь — Salbe für Überbein, — впрочем, Вы можете ему напомнить, что в прошлом и предпрошлом году ее выписывали в Баден» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 8. С. 144). См. о той же мази в письмах 1, 8, 16 и примеч. к ним.

³ *Сухотина Елизавета Сергеевна* (в первом браке Фохт, во втором Баратынская), дочь от первого брака М. А. Сухотиной. О ней см.: *Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники*. С. 43.

⁴ «Мне очень будет приятно увидеть Вас в Бадене, — отвечал Жемчужникову Тургенев, — но я боюсь, что Вы не застанете меня, так как я всю будущую неделю проведу в Париже», — и прибавлял: «Я прочел в газетах, что Ваши „Сны“ помещены в „От<естественных> зап<исках>“. Подписались ли Вы на этот журнал? Я с своей стороны подписан на „Современное обозрение“ — и уже получил два номера с ро-

маном Авдеева, который доставил мне весьма мало удовольствия» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 8. С. 144). О поэме «Сны» см. во вступит. статье. О романе М. В. Авдеева «Меж двух огней» (Современное обозрение. 1868. № 1–3) см. также отрицательный отзыв Тургенева в письме к Анненкову от 18, 21 февраля (1, 4 марта) 1868 г. (*ПССУП(2). Письма*. Т. 8. С. 133).

⁵ *Милютин Николай Алексеевич* (1818–1872) — государственный деятель, один из главных разработчиков Крестьянской реформы 1861 г., товарищ министра внутренних дел (1859–1861), сенатор (1861), статс-секретарь (1864), член Государственного совета (1864–1867). Тургенев с 1850-х гг. был близко знаком как с ним, так и с его женой *Марией Аггеевной Милютиной* (урожд. Абаза, во втором браке Стиль; 1834–1903). В декабре 1866 г. у Милютина случился «нервный удар», в 1867 г. он был вынужден выйти в отставку по болезни. В Баден-Баден на лечение семья Милютиных выехала в мае 1867 г., получив через В. П. Боткина собранные Тургеневым «справки» о сдаваемых квартирах (см. в апрельских письмах Тургенева: *ПССУП(2). Письма*. Т. 7. С. 176, 180, 182; см. также: *Боткин и Т. С.* 263–266). Во время лечения в Бадене Тургенев часто навещал Милютина. Жемчужникову Тургенев сообщал: «Н. А. Милютин всё в том же положении» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 8. С. 144). Почти за год до этого, 16 (28) июня 1867 г., Анненкову Тургенев писал подробнее: «Милютин поселился здесь окончательно, но положение его не меняется. Известный гейдельбергский врач Фридерейх подает мало надежды к его выздоровлению». И ему же 18, 21 февраля (1, 4 марта) 1868 г. рассказывал: «Третьего дня был у Милютина обед в память освобождения крестьян (19-го февраля), я произнес небольшой спич, и бедняк прослезился, — разумеется, не в силу моего красноречия, а от воспоминаний, которые в нем пробудились, сравнения его прежнего состояния с теперешним и т. д. (Между нами, состояние его очень плохо: он не страдает, но медленно и неотразимо впадает в полудремотное отупение; точно болото его всасывает. Он уже не раздражается более, сидит неподвижно и смотрит, как жена пасьянс раскладывает.)» (Там же. С. 9, 133). После смерти Милютина Тургенев писал Анненкову 2 (14) марта 1872 г.: «Этот человек оставил не только политический — но просто человеческий глубокий след» (Там же. Т. 11. С. 220). На смерть Милютина Некрасов откликнулся стихотворением «Кузнец» («Чуть колыхнулось болото стоячее...»), 1872; *Некрасов*. Т. 3. С. 93). Реформаторскую работу Милютина А. Ф. Кони назвал «титанической», причину ее драматического финала он видел в том, что Милютин стал «мишенью для клевет и обвинений» и, «услужливо снабженный зловещею кличкой „красного“, — быть может, за то, что не утратил способности краснеть, — сошел со сцены <...>» (*Кони А. Ф.* Очерки и воспоминания. СПб., 1906. С. 496, 731).

8

Март (после 21) н. ст. 1868 года. Баден-Баден

Я принес Вам, любезнейший Иван Сергеевич, «П<етер>бургские ведомости», «Русский вестник» и письмо, полученное на Ваше имя княжной Львовой.¹ Очень сожалеею, что не застал Вас дома. Хотелось

еще раз крепко и дружески пожать Вашу руку и пожелать Вам всего хорошего. Моя жена и княгиня Оболенская² Вам кланяются. Последняя еще раз благодарит Вас за ценную мазь. Вы обещали, кажется, написать ей: у кого ее можно получить в Берлине.³ Наш адрес: Heidelberg, Hôtel Victoria. — Вчера мы были у Madame Viardot, чтобы с ней проститься. Если она этого не знает, пожалуйста, передайте ей это.

Будьте здоровы и благополучны.

Душевно Вас любящий
Алексей Ж<емчужников>.

Очень мне будет приятно вспоминать о нашем пребывании в Бадене.^a

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 45.

Датируется по содержанию. В предыдущем письме из отеля «Виктория» в Гейдельберге (см. письмо 7), где в это время Жемчужников жил с семьей, он уведомлял Тургенева о своем приезде в Баден-Баден «на следующей неделе», видимо, не зная об отъезде писателя 9 (21) марта 1868 г. в Париж, где он находился до 17 (29) марта и о чем извещал Жемчужникова в ответном письме (см. примеч. к письму 7). Кроме того, в данном письме, как и в письме 7, вновь упомянута «ценная мазь» и повторяется просьба о сообщении адреса ее берлинского «автора».

Ответное письмо Тургенева неизвестно.

¹ Трудно сказать, о которой из княжон Львовых, дочерей кн. *Владимира Владимировича Львова* (1805–1856), литератора и цензора, идет речь. О Елиз. В. Львовой см. подробнее в примеч. к публикуемому ниже письму к Тургеневу В. М. Жемчужникова. См. также: *Чернов Н. М.* Тургенев в семействе цензора В. В. Львова // *Спасский вестник*. 2001. Вып. 8. С. 67–74.

² О княгине А. А. Оболенской см. во вступит. статье.

³ Ср. ту же просьбу в письме 7.

9

18 (30) апреля 1868 года. Гейдельберг

30 апреля.
Oestliche Hauptstrasse,
bei doctor Kunz. Heidelberg.

Уведомьте меня, пожалуйста, милый Иван Сергеевич, когда Вы намереваетесь ехать в Россию. Мы давно не видались, и мне очень хотелось бы Вас видеть до Вашего отъезда.¹ Летом думаем ехать в Швейца-

---

^a Последняя фраза вписана слева на полях.

рию,² а где проведем зиму, еще неизвестно. Жена и я дружески жмем Вашу руку.

Алексей Жемчужников.

Адресую в Ваш дом, куда Вы, кажется, уже переехали.³

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 41.

Год устанавливается на основании ответного письма Тургенева от 20 апреля (2 мая) 1868 г. из Баден-Бадена. См.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 8. С. 193.

¹ В ответном письме Тургенев сообщал: «Я еду в Россию в конце этого месяца, любезный Жемчужников, и очень был бы рад повидаться с Вами. <...> Я до моего отъезда никуда из Бадена не отлучусь, разве только на охоту или, быть может, во Франкфурт <...>» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 8. С. 193).

² О поездках Жемчужниковых в течение лета 1868 г. см. в письме 10.

³ Тургенев отвечал: «Живу я действительно в новом доме» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 8. С. 193). Неделю спустя, 26 апреля (8 мая) 1868 г., он писал Луи Депре: «Я живу теперь в доме, который построил себе рядом с домом Виардо <...>» (Там же. С. 265. Подлинник по-франц.). И позднее, 8 (20) октября 1868 г., на вопрос М. В. Авдеева, живет ли он в новом доме, Тургенев отвечал: «В доме своем я живу уже с 15 апреля, и очень он удобен» (Там же. Т. 9. С. 69). Строительство дома (виллы в стиле Людовика XIII) в Баден-Бадене (Тиргартенштрассе, 3) продолжалось несколько лет; Тургенев жил в нем с апреля 1868 по ноябрь 1871 г.; см.: *Плецев А. А.* Вилла Тургенева в Баден-Бадене // *Художник*. 1891. Т. 2. С. 534–536. Он вынужден был продать этот дом в связи с разразившейся франко-прусской войной. Вилла, построенная Тургевым, сохранилась до наших дней.

10

13 (25) сентября 1868 года. Невшатель

25 сентября 1868.
Hôtel Belle-vue; Neuchâtel,
Suisse.

Здоровы ли Вы, милый Иван Сергеевич? Давно не видал Вас. Не теряю, однако, надежды побывать зимою в Бадене, потому что будем жить от Вас недалеко, а именно: в Штуттгарте.¹ Напишите мне, пожалуйста, поскорее: там ли еще находится теперь Наталья Николаевна Рашет и как ее адрес?² Ее общество будет нам очень приятно, и кроме того, мы хотим обратиться к ней за советом: как и где устроиться нам на всю зиму. Лето проведено мною, кажется, не без пользы для здоровья, но довольно скучно и бесплодно в литературном отношении.

Сначала лечился я в Киссингене, где видел Гончарова;³ потом отправились мы в Крейцнах,⁴ где под нашим надзором лечилась племянница

жены моей Оболенская;⁵ потом провел целый месяц в Дьеппе⁶ и купался в море. Теперь на неделю приехали сюда, чтобы доставить нашей гурвернантке возможность повидаться с родными.

Перо мое так дурно, что я не в состоянии продолжать царапать им, и потому оканчиваю это письмо.

Что делают Милютины? Как здоровье Николая Алексеевича?⁷

Передайте им мой дружеский поклон.

Жму крепко Вашу руку. Жена Вам кланяется. Если будете отвечать *немедленно*, то Ваше письмо может застать меня здесь. Мы пробудем здесь до 1-го октября. Не то отвечайте мне в Штутгарт *poste restante*.

Алексей Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 13–14.

Ответное письмо Тургенева неизвестно. О получении данного письма Тургенев извещал М. В. Авдеева 8 (20) октября 1868 г.: «Жемчужников писал мне недели три тому назад из Швейцарии, что он на зиму поселяется в Штутгарде». И сообщал далее известие, о котором в публикуемом письме сведений нет: «Он очень огорчен потерю своей младшей дочери» (*ПССуП(2). Письма*. Т. 9. С. 69). Речь, видимо, идет о дочери Жемчужникова, родившейся в феврале 1867 г. (см. примеч. к письму 4).

¹ Штутгарт (Stuttgart) — главный город королевства Вюртемберг в Швабии.

² *Рашет Наталья Николаевна* (урожд. Антропова, во втором браке Антропова; ок. 1830–1894) — переводчица, знакомая Тургенева с начала 1860-х гг. Большую часть жизни (с 1860 по 1872 г.) провела за границей, в Германии, Франции и Швейцарии. Алексея Жемчужникова с ней познакомил Тургенев. В адресованном в Штутгарт письме к Рашет от 18 (30) января 1867 г. он, приглашая ее приехать в Баден и прослушать чтение «Дыма», прибавлял: «Кстати, я Вас познакомлю с весьма любезным семейством Жемчужниковых» (*ПССуП(2). Письма*. Т. 7. С. 87). Чтение романа в присутствии Н. Н. Рашет и А. М. Жемчужникова состоялось в Баден-Бадене 29 января (10 февраля) 1867 г. (см. подробнее во вступит. статье). Получив письмо от Жемчужникова, Тургенев писал Рашет 20 сентября (2 октября) 1868 г.: «Меня на днях спрашивал о Вас Жемчужников (которого Вы теперь уже вероятно увидели в Штутгарде — он намерен поселиться там на зиму)», и в письмах ей же от 2 (14) октября и 3 (15) ноября 1868 г. передавал поклон Жемчужниковым (Там же. Т. 9. С. 61, 67, 82).

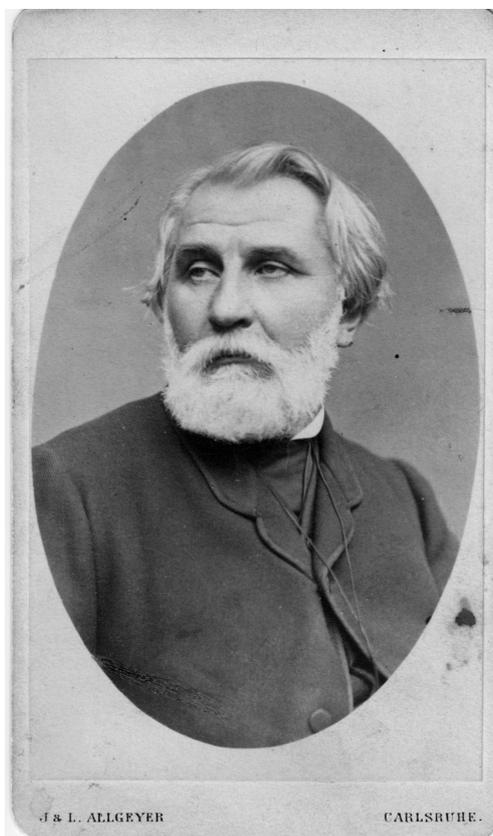
³ Гончаров находился в Киссингене со 2 (14) июня по 1 (13) или 2 (14) июля 1868 г., после чего переехал в Швальбах. Его встреча с Жемчужниковым произошла 4 (16) июня, о чем он в тот же день писал М. М. Стасюлевичу: «Здесь я встретил Жемчужникова. (Алексия, кажется, который постоянно живет около Бадена) <...>» (*Стасюлевич*. Т. 4. С. 13). См.: *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 171–172.

⁴ Крейтснах (*нем.* Kreutznach) — город и курорт в Пруссии.

⁵ См. примеч. 5 к письму 1 и упоминания в письмах 2, 7, 16, 22.

⁶ Дьепп (*франц.* Dieppe) — город на северо-западе Франции, в Верхней Нормандии.

⁷ См. примеч. 5 к письму 7.

И. С. Тургенев. Фотография ателье Альгейер.
Карлсруэ, ноябрь 1868 г.

11

28 ноября (10 декабря) 1868 года. Штутгарт

10 декабря 68 г.
Ulrichstrasse, 17. Stuttgart.

Любезный Иван Сергеевич, нельзя ли нам как-нибудь повидаться? Теперь мои домашние дела наладились и я мог бы отлучиться дня на два. Три с половиною недели тому назад у нас родилась дочь.¹ Моя жена поправилась, и новорожденная покуда здорова. Мне говорила Н. Н. Рашет, что у Вас готова повесть, которую Вы хотели ей прочесть.²

Мне очень желательно было бы ее прослушать. Пожалуйста, уведомьте меня: возможно ли это дело? Мне также очень хотелось бы повидаться с Милютиными, но я только предполагаю, что они в Бадене, а наверно того не знаю.

Потрудитесь сообщить мне их адрес. Если они в Бадене, прошу Вас передать Николаю Алексеевичу, Марье Аггеевне и всем мой дружеский поклон.³ Я слышал также, что Вы собираетесь переехать в Карлсруэ.⁴ Надеюсь, что Вы уведомите меня о Ваших планах и тем доставите мне возможность видеть Вас в Бадене или в Карлсруэ, с повестью или без оной. Как здоровье Madame Viardot? От меня и от моей жены прошу Вас передать поклон ей и всему семейству. — Не могу сказать, чтобы жизнь в Штутгарте была особенно приятна. Нас поразила недостаток удобств при устройстве на квартире. Трудно водворить порядок и порядочность. Беспреданно наталкиваешься на затруднения, неточности и надувательства, от которых мы уже успели отвыкнуть с тех пор, как живем за границей. Концерты и театры хорошей музыкой покуда не изобилуют. Я недавно слышал увертюру к опере Вагнера «Тристан и Изольда»,⁵ и мне кажется, что в этой длинной и утомительно-скучной штуке есть множество звуков, но музыки вовсе нет. Любопытно бы прослушать всю оперу. — Мы часто видимся с Н. Н. Рашет, и она так любезна и внимательна к нам, что мы ей благодарны в высшей степени. Будьте здоровы. Крепко жму Вашу руку за себя и за жену.

Алексей Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 15–16 об.

Ответное письмо Тургенева от 30 ноября (12 декабря) 1868 г. из Карлсруэ см.: *ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 102.

¹ Дочь Жемчужниковых Анастасия (1868– не ранее 1900), в семье ее называли Пуши. О ее крещении см. письма 12–14 и примеч. к ним. Упоминания Насти (Пуши) см. в письмах А. М. и Е. А. Жемчужниковых за 1869 г. (*РГБ*. Ф. 101. 4814.5); также см. в письме А. К. Толстого к А. М. Жемчужникову от 19 (31) октября 1874 г. (*РМ*. 1915. № 11. С. 125). Ответное письмо Тургенев начал поздравлением: «Любезнейший Жемчужников, прежде всего позвольте поздравить Вашу жену и Вас с рождением новой дочки, которая, я надеюсь, вырастет Вам на радость и утешение» (*ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 102). В примеч. к процитированному письму Тургенева Анастасия Жемчужникова ошибочно названа Натальей (см.: Там же. С. 362, 445). О рождении у Жемчужниковых дочери в феврале 1867 г. см. примеч. 1 к письму 4; о ее смерти см. примеч. к письму 10.

² Речь идет о повести «Несчастливая», работа над которой была начата весной 1868 г. в Бадене. Тургенев отвечал Жемчужникову: «...повесть мою прочту я Вам охотно — хотя господь знает, доставит ли она Вам много удовольствия: сюжет уж больно мрачен» (*ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 102).

³ О Милютиных см. примеч. 5 к письму 7. Отвечая на вопрос Жемчужникова, Тургенев писал: «Милютины выехали из Бадена и живут теперь в Швейцарии, в Vevey, в Grand Hôtel. Они раздумали ехать во Флоренцию на зиму — и, полагаю, весьма благоразумно поступили» (Там же).

⁴ На протяжении 1868 г. Тургенев несколько раз ездил в Карлсруэ — там готовился к поступлению в лицей Поль Виардо. В середине ноября 1868 г. он переселился из Бадена в Карлсруэ и жил там до середины марта 1869 г. О своей жизни в Карлсруэ и о возможности встречи Тургенев писал Жемчужникову в цитированном выше письме: «Очень было бы мне приятно свидеться с Вами — и если Вы можете отлучиться из Стуттгарта на день или на два, то чего же лучше? Я с 1-го дек<абря> поселился здесь; моя квартира в двух шагах от железной дороги — и только тем неудобна, что слишком отдалена от Виардо; но квартиры и здесь — редкость, хуже Стуттгарта. — Приезжайте, когда вздумается, вместе с Н. Н. Рашет <...>. Но я должен непременно знать наперед день, когда Вы приедете, — а то Вы можете не застать меня, так как я теперь беспрестанно уезжаю на охоту — и пропадаю по целым дням. А потому позвольте сделать Вам следующее предложение. Начиная с будущей среды, ждите от меня телеграммы: получив ее, Вы можете спокойно отправиться на следующий день и, прибывши в Карлсруэ — зайдите в мой hôtel — он наискось напротив железной дороги; он очень невелик, но если будет в нем свободная квартира — то Вы тут и остановитесь. Во всяком случае Вам надобно идти мимо. Я думаю, так будет удобно» (Там же).

⁵ Постановка музыкальной драмы Р. Вагнера «Тристан и Изольда» (1857–1859) ввиду ее сложности долго откладывалась, премьера состоялась 10 июня н. ст. 1865 г. в Национальном театре в Мюнхене.

12

5 (17) декабря 1868 года. Штутгарт

17 декабря 68.

Ulrichstrasse, 17. Stuttgart.

Сейчас Н. Н. Рашет сообщила мне Ваше к ней письмо, любезнейший Иван Сергеевич. Прежде всего приношу Вам большую благодарность от себя и от жены за Ваше согласие быть крестным отцом нашей девочки. Наталья Николаевна писала Вам об этом нашем желании без моего ведома;¹ я хотел просить Вас об этом лично в Карлсруэ.² Так как здоровье новорожденной еще не в совершенном порядке, то крестины откладываются на неопределенное время. Между тем ни я, ни Наталья Н<иколае>вна не желаем откладывать наше свидание с Вами; и потому просим Вас телеграфировать кому-либо из нас: не можем ли мы явиться к Вам в понедельник утром?³ *Во вторник нам нельзя.* А если для Вас не-

удобен понедельник, то назначьте нам после вторника какой угодно день. Мы покуда не предвидим никаких препятствий, начиная с середины.*⁴

Дружески жму Вашу руку. До скорого свиданья, надеюсь.

Алексей Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 17–18.

Ответное письмо Тургенева от 7 (19) декабря 1868 г. из Карлсруэ см.: *ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 104.

¹ Тургенев писал Н. Н. Рашет в четверг, 17 декабря н. ст., из Карлсруэ: «Любезнейшая Наталья Николаевна, я было так устроился, чтобы пригласить Вас сюда на пятницу, — но теперь придется отложить Вашу поездку сюда до понедельника или вторника — Вы получите *накануне* дня приезда телеграфическую депешу. А то можно так сделать. Так как я готов крестить ребенка у Жемчужниковых и для этого должен приехать в Карлсруэ (*видимо, ошибочно вместо*: Штутгарт. — *Ред.*) — то можно сделать *d'une pierre deux coups* (одним ударом убить двух зайцев; *букв.*: одним камнем два удара — *франц.*) — и я бы явился на целый день в Штутгарт, также дав знать накануне телеграммой. Сообщите это Жемчужниковым, и пусть они напишут мне свое мнение немедленно» (*ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 104).

² О пребывании Тургенева в Карлсруэ см. примеч. 4 к письму 11.

³ Ранее, в письме от 30 ноября (12 декабря) 1868 г., Тургенев предлагал известить Жемчужникова и Н. Н. Рашет об удобном дне приезда к нему в Карлсруэ телеграммой, которую планировал отправить после 4 (16) декабря (см. примеч. к письму 11).

⁴ В ответном письме Тургенев сообщал: «Любезнейший Жемчужников, в ответ на Ваше письмо спешу сообщить Вам, что буду ожидать Наталью Николаевну и Вас *в среду* утром, так как в понедельник и во вторник я на охоте. Очень приятно будет увидеться» (*ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 104).

13

18 (30) декабря 1868 года. Штутгарт

30 декабря 68.

Stuttgart. Ulrichstrasse, 17.

3-й этаж, а считая *parterre*,¹ 4-й.

Итак, если Вы в воскресенье свободны, любезнейший Иван Сергеевич, мы просим Вас приехать к нам утром. Есть хороший поезд из Карлсруэ в 10 ч. 40 м. Он приходит в Stuttgart в 1 ч. и 5 минут.

---

* Только в субботу на той неделе очень хороший концерт. Вот одно препятствие для одной субботы. — *Примеч. А. М. Жемчужникова.*

Священник² явится к нам к двум часам. Не забудьте, что Вас ждут не только с нетерпением, но и с рукописью.³ Пожалуйста, уведомьте меня: приедете ли Вы в воскресенье и в котором часу? Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам

А. Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 19–19 об.

Ответное письмо Тургенева от 20 декабря 1868 г. (1 января 1869 г.) из Карлсруэ см.: *ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 112.

¹ Par terre (букв. от франц.: par terre — на земле, в партере) зд.: первый этаж (по-франц.: rez-de-chaussée).

² Священник, настоятель придворной русской церкви в Штутгарте, исполнявший также в течение 40 лет (с 1864 г.) обязанности духовника вел. кн. Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской, — протоиерей *Иоанн Иоаннович Базаров* (1819–1895). Он неоднократно отправлял богослужение и в других городах Германии, когда в них находились представители императорской фамилии. Отец Иоанн был автором нескольких богословских и церковно-исторических сочинений на немецком и русском языках и, кроме того, автором мемуаров: Воспоминания протоиерея И. И. Базарова // *РСт*. 1901. № 2–12. См. о нем: *Генералова Н. П., Хитрово Л. К.* К родословной главного героя романа «Отцы и дети» (Кто дал фамилию Евгению Базарову?) // *Тургенев. НИиМ(3)*. С. 340–346. О своем знакомстве с А. М. Жемчужниковым и о приезде Тургенева в Штутгарт на крестины прот. Иоанн Базаров вспоминал: «На эту зиму в Стутгарте поселился с семейством А. М. Жемчужников, и здесь у него родилась дочь. Восприемником при крещении ее был И. С. Тургенев, который для этого приехал из Бадена. Как рассказывал мне Свербеев, Тургенев всячески избегал Стутгарт, зная, что королева Ольга Николаевна была недовольна им за то, что он в повести „Отцы и дети“ дал герою романа имя Базарова, „как будто он не знает, — прибавляла при этом ее величество, — что это имя носит мой духовник“. Поэтому и в этот раз он приехал в Стутгарт только на несколько часов и после крестин сейчас же уехал обратно в Баден. Я в первый раз встретился с нашим знаменитым писателем, и мне показалось, что ему было как-то неловко со мною. Но потом мы разговорились <...> После этого мне никогда не случалось более встречаться с Тургеневым, хотя я часто бывал в Бадене, где он тогда жил в своей вилле рядом с виллой Mme Viardot <...>» (*РСт*. 1901. № 11. С. 285).

³ Рукопись повести «Несчастливая»; см. примеч. 2 к письму 11. На просьбу Жемчужникова Тургенев отвечал 20 декабря 1868 г. (1 января 1869 г.), в пятницу, прося перенести его приезд на неделю: «Любезнейший Жемчужников, я только что собирался писать Вам и просить — нельзя ли отложить мой приезд в Штутгарт до *следующего* воскресения, буде возможно? Я в понедельник рано утром должен быть в Карлсруэ, — а это, коли произвести чтение повести, — невозможно. Итак, если Вы мне ничего не напишете, это будет значить, что откладывается дело на неделю; если же Вы хотите не мешкать крещением, то известите; я приеду — но без по-

вести» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 112). О переносе крестин на неделю (видимо, и чтения повести) см. следующее письмо Жемчужникова (письмо 14) и примеч. к нему.

14

27 декабря 1868 года (8 января 1869 года). Штутгарт

8 января 1869.
Stuttgart. Ulrichstrasse, 17.

Ожидаем Вас, любезный Иван Сергеевич, в воскресенье.¹ Уведомьте меня, пожалуйста, немедленно: 1.) в котором часу Вы приедете? 2.) задержать ли Вам комнату в Hôtel Marquardt? 3.) прямо ли к нам с железной дороги Вы отправитесь? — Если Вы мне ответите сегодня вечером, я могу получить Ваше письмо завтра и условиться вовремя с священником.²

До свидания.

Преданный Вам
Алексей Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 21–21 об.

Ответное письмо Тургенева от 28 декабря 1868 г. (9 января 1869 г.) из Карлсруэ см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 118.

¹ Жемчужников отвечает на письмо Тургенева от 20 декабря 1868 г. (1 января 1869 г.) с просьбой о переносе крестин на неделю (см. примеч. 3 к письму 13) и на письмо, написанное в пятницу, 27 декабря 1868 г. (8 января 1869 г.). В последнем Тургенев подтверждал свое намерение приехать в Штутгарт: «Любезный Жемчужников, считаю долгом известить Вас, что я своего намерения не изменил и послезавтра, в воскресенье, явлюсь утром в Штутгарт — разве Вы мне завтра напишете, что Вы откладываете крещение; если я ничего не получу, я приеду» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 118). И вновь, в субботу, 28 декабря 1868 г. (9 января 1869 г.), Тургенев писал: «Ссылаясь на вчерашнее мое письмо, я повторяю, что прибуду в Штутгарт с первым Schnellzug'ом (скорый поезд — нем.) завтра. Комнату у Марквирдт задержите для меня» (Там же). Крещение дочери Жемчужниковых, таким образом, было отложено на неделю и состоялось в воскресенье, 10 января н. ст. 1869 г. Вероятно, и повесть «Несчастливая» была прочитана Тургеневым в этот его приезд в Штутгарт. Эти сведения не включены в *Летопись (1867–1870)*; ср.: *Генералова Н. П., Хитрово Л. К.* К родословной главного героя романа «Отцы и дети» (Кто дал фамилию Евгению Базарову?). С. 342.

² О священнике см. примеч. 2 к письму 13.

10 (22) января 1869 года. Штутгарт

22 января 1869.
Stuttgart. Ulrichstrasse, 17.

Покорно прошу Вас, любезнейший Иван Сергеевич, задержать *два* билета на «Мейстерзингеров».¹ Наталья Николаевна не поедет.² Моя жена остается при прежнем своем желании: ехать. А если ее задержит что-либо дома, я предложу ее билет Володе.³ Если мы не будем обедать во вторник вместе, то я желал бы остановиться по старому знакомству в Hôtel Erbprinz.⁴ Во всяком случае зайду сейчас же по приезде прямо к Вам. Итак, до свидания, а пока дружески жму Вам руку.

Алексей Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 23–23 об.

Ответное письмо Тургенева от 12 (24) января 1869 г. из Карлсруэ см.: *ПССУП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 130.

¹ Речь идет об опере Р. Вагнера «Нюрнбергские мейстерзингеры» («Die Meistersinger von Nürnberg»), написанной им на собственное либретто в 1861–1867 гг. и признанной одной из вершин его творчества. Премьера оперы состоялась 21 июня н. ст. 1868 г. в Мюнхене и имела триумфальный успех. На мюнхенскую премьеру в июне 1868 г. предполагала отправиться Полина Виардо, считавшая себя «вагнерианкой до кончиков ногтей». Находившийся в это время в России Тургенев несколько раз писал ей об этой поездке (см.: *ПССУП(2)*. *Письма*. Т. 9, письма 2277, 2278, 2279, 2289 и примеч. к ним). Поездка Виардо на премьеру не состоялась, однако она побывала вскоре в Мюнхене на одном из представлений оперы (см. реакцию Тургенева на ее восторженный отзыв об опере: Там же, письмо 2292 и примеч. к нему). В данном случае речь идет о представлении, состоявшемся 17 (29) января 1869 г. О заказе билетов на оперу Тургенев извещал Н. Н. Рашет в письме из Карлсруэ от 3 (15) января 1869 г.: «Я заказал билеты на „Миннезингеров“ и предварю Вас и Жемчужникова о дне представления» (Там же. С. 124). Жемчужникова Тургенев «предварял» 8 (20) января: «Любезный Жемчужников, спешу известить Вас, что „Мейстерзингеры“ даются во вторник, 26-го числа — и что на Ваше имя взято мною *три* билета. В случае если Ваша супруга предпочтет остаться, дайте мне знать заранее: на лишний билет найдется много охотников» (Там же. С. 125). И вновь Н. Н. Рашет, отказавшейся от поездки, Тургенев писал 11 (23) января: «Билет на „Миннезингеров“ отдать очень легко — охотников бездна — только зачем же Вам не приехать? Кстати: главный тенор занемог, и представление, долженствовавшее иметь место во вторник, отложено. Сообщите это Жемчужникову, которого я извещу заранее о дне представления». Наконец, в воскресенье, 12 (24) января, отвечая на комментируемое письмо Жемчужникова, Тургенев писал: «...первое представление „Мейстерзингеров“ отложено до *пятницы*, а потому жду Вас в тот день непременно. Билет лиш-

ний устроить весьма легко» (Там же. С. 126). И добавлял: «Мне нельзя будет обедать в пятницу с Вами» (Там же).

² Н. Н. Рашет.

³ Имеется в виду, скорее всего, Владимир Жемчужников. Однако сведений о его пребывании в это время в Штутгарте разыскать не удалось.

⁴ Отель в Карлсруэ.

16

19 февраля (3 марта) 1869 года. Штутгарт

3 марта 1869. Stuttgart.
Ulrichstrasse, 17.

Любезный Иван Сергеевич, моя племянница Оболенская снова пробоует Вашу знаменитую мазь.¹ Никакие петербургские мази ей не помогают. Потрудитесь прислать мне адрес берлинского изобретателя мази. Я затерял тот, который Вы мне уже однажды дали.² Пожалуйста, уведомьте меня также о том, в каком положении Ваше здоровье и подвигаются ли Ваши воспоминания о Белинском, которые меня очень интересуют?³ В пятницу (5-го) здесь назначен концерт А. Рубинштейна,⁴ и мы уже запаслись билетами.

Моя жена Вам кланяется, и я дружески жму Вашу руку.

Алексей Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 25–25 об.

Два ответных письма Тургенева от 20 февраля (4 марта) и от 22 февраля (6 марта) 1869 г. из Карлсруэ см.: *ПССуП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 157–158, 161.

¹ О «знаменитой мази» см. примеч. 6 к письму 1, также в письмах 7 и 8; о племяннице Оболенской см. примеч. 5 к письму 1 и упоминания в письмах 2, 7, 10, 22.

² Тургенев действительно уже высылал адрес Жемчужникову; см. примеч. 2 к письму 7. В ответном письме от 20 февраля (4 марта) 1869 г. он писал: «Любезный Жемчужников, адрес изобретателя мази также мною потерян — вследствие чего я сегодня же пишу в Берлин, чтобы мне его доставили, и сейчас Вам его перешлю. Помню только, что имя изобретателя — Циммерманн» (*ПССуП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 157). В следующем письме от 22 февраля (6 марта) 1869 г. он сообщал адрес: «Любезнейший Жемчужников, вот адрес изобретателя мази: Herr Barbier und Chirurges-Gehülfe Zimmermann, Rosenthaler Strasse, 20, Berlin» (Там же. С. 161).

³ В письме к Жемчужникову от 20 февраля (4 марта) 1869 г. Тургенев сообщал: «„Воспоминания о Белинском“ с неделю тому назад мною отправлены в Петербург и будут помещены в мартовской книжке „Вестника Европы“. Если Вы не получаете этого журнала, я Вам пришлю номер» (Там же. С. 157). 22 февраля (6 марта) он уточнял: «Статья моя о Белинском появится только в *апрельской* книжке „Вестника

Европы» (Там же. С. 161). «Воспоминания о Белинском», работа над которыми завершилась в феврале, были опубликованы в № 4 «Вестника Европы» за 1869 г. О творческой истории очерка, входившего в цикл «Литературных и житейских воспоминаний», см. в примеч. к нему Е. И. Кийко: *ПССУП(2). Соч.* Т. 11. С. 337–340. О реакции на тургеневские «Воспоминания» Некрасова и его окружения см. во вступит. статье.

⁴ *Рубинштейн Антон Григорьевич* (1829–1894), уехав из России в 1867 г., вел жизнь «странствующего виртуоза». В январе — мае 1869 г. он концертировал в Бреславле, Познани, Нейссе, Катовице, Дрездене, Гамбурге, Касселе, Данциге, Бремене, Магдебурге, Галле, Ганновере, Брауншвейге, Веймаре, Брюсселе, Кёльне, Эльберфельде, Дармштадте, Штутгарте, Франкфурте-на-Майне, Цюрихе, Базеле, Женеве, Копенгагене (см.: *Баренбойм Л. А.* Антон Григорьевич Рубинштейн: Жизнь, артистический путь, творчество, музыкально-общественная деятельность. Л., 1962. Т. 2: 1867–1894. С. 20).

17

24 февраля (8 марта) 1869 года. Штутгарт

8 марта 1869.
Stuttgart, Ulrichstrasse, 17.

Очень благодарю Вас, любезный Иван Сергеевич, за присланный адресс.¹ — Рубинштейн играл здесь великолепно.² Мне странно было слышать от него, что в Карлсруэ не оказалось залы для его концерта. Что Вы скажете о намерении Герцена воротиться в Россию и о ходатайстве его об этом через о. Раевского (если эти слухи справедливы)?³ Мне кажется, что жизнь его в России будет невозможна.⁴ — Заметили ли Вы в № 49 «С<анкт>-П<етер>бургских ведомостей» акrostих Фета: *Заря Каширева умирает?* («Дикарка»). Эта находка прелестна.⁵ Будьте здоровы. Дружески жму Вашу руку.

Алексей Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 5813. Л. 27–27 об.

Ответное письмо Тургенева неизвестно.

¹ См. примеч. 2 к письму 16.

² См. примеч. 4 к письму 16.

³ Реакция Тургенева на этот и следующий вопросы Жемчужникова (об акrostихе «Дикарка») неизвестна. История распространения ложных сведений о прибытии Герцена в январе 1869 г. в Вену для совещания со священником русской посольской церкви М. Ф. Раевским о возможности возвращения в Россию (при условии покаяния) получила широкую огласку в русской и европейской прессе. Тургенев об этой истории прекрасно знал. «Все русские журналы об этом толковали <...>», —

писал он Герцену 27 февраля (11 марта) 1869 г., отсылая ему вырезку из газеты «Kölnische Zeitung» (8 марта. № 67). «Я этому не верю ни на волос, — продолжал он, — но, может быть, ты сочтешь нужным сказать публично два слова?» (*ПССуП(2). Письма*. Т. 9. С. 165). Накануне, в письме от 24 февраля (8 марта), Тургенев спрашивал Анненкова: «Не можете ли вы узнать *настоящей* правды о просьбе Герцена возвратиться в Россию?» (Там же. С. 163). В следующем письме к Герцену от 6 (18) марта 1869 г. Тургенев извещал его о появлении опровержений в русских и европейских газетах и высказал предположение о первоисточнике слухов, что особенно тревожило и возмущало Герцена (см.: Там же. С. 174). Сведения о поездке Герцена в Вену впервые появились в № 3 за 20 января (1 февраля) 1869 г. политического журнала «Słowianin» (Львов). Подробная версия была изложена в «Биржевых ведомостях» (1869. 14 (26) февраля. № 44), перепечатана в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1869. 18 февраля (2 марта). № 49) и «Новом времени» (1869. 19 февраля (3 марта). № 35).

Жемчужников сведения о Герцене почерпнул из сообщения в «С.-Петербургских ведомостях»: «Сообщаемое многими газетами известие, будто г-н Герцен явился в Вену и имел свидание с священником нашего посольства в Австрии отцом Раевским, по словам „Биржевых ведомостей“, возбудило во многих петербургских кружках большой интерес и разнообразные толки. Молва утверждает, что г-н Герцен виделся с отцом Раевским именно для того, чтобы поверить ему свое желание просить все милостивейшего соизволения возвратиться в Россию. Утверждают даже определенно, что о. Раевский избран г-ном Герценом в ходатаи за него перед правительством и что о. Раевский принял на себя такое ходатайство и будто уже писал об этом в Петербург одному из уважаемых духовных лиц, пользующемуся доверием всего августейшего русского дома» (*СПбВед.* 1869. 18 февраля (2 марта). № 49. С. 1).

Опровергая слухи, Герцен 2 (14) марта 1869 г. обратился с открытым письмом к редактору-издателю «Биржевых ведомостей» (см.: *Герцен*. Т. 20. Кн. 2. С. 517; опубликовано с коммент.: *Бирж. Вед.* 14 (26) марта. № 71). Кроме того, в течение марта он направил открытое письмо с опровержениями «Au rédacteur» редакторам ведущих европейских газет со следующим текстом: «Несколько русских газет поместили совершенно ложное сообщение, будто бы я совершил поездку в Вену с целью выхлопотать себе при посредничестве преподобного о. Раевского право на возвращение в Россию. Вы меня бесконечно обяжете, господин редактор, предоставив в вашей уважаемой газете место для категорического опровержения с моей стороны. Я никогда не бывал в Вене, я никогда не виделся с преподобным о. Раевским, никогда не писал ему, вообще я не сделал ни шага для получения права возвратиться в Россию. Я пламенно желаю, как и всякий эмигрант, вновь увидеть свою родную страну, но не думаю, чтобы нынешние обстоятельства благоприятствовали осуществлению этого желания» (*Герцен*. Т. 20. Кн. 2. С. 518–519; примеч.: С. 833–836. Подлинник по-франц.). 26 марта (7 апреля) 1869 г. помечено открытое письмо редактору-издателю «Голоса» А. А. Краевскому (опубликовано: *Голос*. 1869. 5 (17) апреля. № 95), в котором Герцен опровергал слухи о его ходатайстве перед правительством о возвращении на родину («Я вообще не ходатайствую ни о чем, нигде. Чего удивились „Биржевые ведомости“, что я считал бы за счастье возвратиться

в Россию?») (*Герцен*. Т. 20. Кн. 2. С. 556). Тургенева в письме от 2 (14) марта 1869 г. Герцен просил: «Сделай одолженья, оборони меня — языком, пером, негодованием, авторитетом от уморительного нареkania, что я хлопочу через Раевского, попа в Вене, о возвращении. В „Биржевых ведомостях“ целая статья с нравственными рассуждениями и ободрениями. <...> Разумеется, я в Россию ехать хочу — и когда можно будет туда ехать <...>, поеду. Но в Вене я не был — ни Краевского, ни Раевского, ни Евского не просил. Откуда это? — Или это тонкий намек — со стороны Шуваловки?». Заключал Герцен письмо просьбой: «Если у тебя есть знакомые издатели — пожалуйста, скажи им, чтоб напечатали, что вся эта сплетня о Вене — вранье» (Там же. Т. 30. Кн. 1. С. 58–59). Письмо Тургеневу от 11 (23) марта он начинал словами: «Очень благодарю тебя за помощь в омовении меня от биржевой клеветы» (Там же. С. 65). Историю шумихи вокруг известия о возвращении Герцена в Россию, его покаянии и августейшем прощении см.: *Летопись жизни и творчества А. И. Герцена: 1868–1870*. М., 1990. С. 178, 186, 189, 191–201.

Деавуации ложных сведений была посвящена заметка в «С.-Петербургских ведомостях» за 26 февраля (14 марта): «Неделю назад в газетах было помещено известие о том, что издатель ныне прекратившегося „Колокола“, известный русский эмигрант г-н Герцен ходатайствует чрез состоящего при нашем посольстве в Вене священника Раевского о дозволении ему возвратиться в Россию. По дошедшим до нас слухам, это известие не подтверждается. Достоверно только то, что сын г-на Герцена, живущий ныне во Флоренции и занимающий в тамошнем университете кафедру профессора физиологии, обратился к русскому правительству с просьбою дозволить ему приехать в Россию на короткое время с целью устройства поземельных дел отца своего, за которым и поныне числится большое имение в семи верстах от Костромы, находящееся, со времени отъезда владельца за границу, в опекуновском ведении. Чем разрешилось это ходатайство — нам неизвестно» (*СПбВед.* 1869. № 57. С. 2). Заметка была перепечатана в «Московских ведомостях» за 28 февраля (16 марта) (см.: *МВед.* 1869. № 47. С. 3). *Михаил Федорович Раевский* (1811–1884) — протоиерей, в 1842–1884 гг. настоятель русской посольской церкви в Вене, писатель, сторонник идеи возрождения славянства (см., например, письма к нему И. С. Аксакова 1858–1877 гг.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: <В 4 т.>. М., 1896. Т. 4. С. 1–100). С вопросом о достоверности сведений о его ходатайстве за Герцена к М. Ф. Раевскому 1 (13) марта обратился с письмом А. А. Краевский (см.: *Зарубежные славяне и Россия: документы архива М. Ф. Раевского: 40–80 годы XIX века*. М., 1975. С. 239; *Летопись жизни и творчества А. И. Герцена: 1868–1870*. С. 193). Вероятно, Алексей Жемчужников, как и его братья, был лично знаком с М. Ф. Раевским; ср. упоминание о нем как о «старом знакомом» в рассказе Льва Жемчужникова о посещении Вены в 1858 г. (*Жемчужников Л. М. Мои воспоминания из прошлого*. Л., 1971. С. 319). Старший сын Герцена — *Александр Александрович Герцен* (1839–1906), ученый-физиолог, получивший образование в Швейцарии; с 1863 г. жил во Флоренции, где в 1869 г. получил звание профессора физиологии высшей нервной деятельности.

⁴ Герцен считал, что газетная шумиха была спровоцирована с ведома, а возможно и по указанию шефа жандармов П. А. Шувалова. Тургенев в указанном выше письме к Герцену от 6 (18) марта высказал убежденность в том, что прощение

для него невозможно: «...не забудь, ты оскорбил семью <...> — этого тебе не забудут. Дурак Погодин на сей раз правду сказал — и вероятно, не всю даже правду» (ПССиП(2). Письма. Т. 9. С. 174; примеч. А. И. Батюто: С. 392). В цитированном выше письме к Тургеневу от 2 (14) марта 1869 г. Герцен рассказал о встрече в Монтре с М. П. Погодиным: «Погодин меня уговаривал в „Монтрях“ — и увещал перспективой года или двух в Соловецком монастыре, а потом „на житье пошлют куда-нибудь — вот и всё“. Вы, говорит, напишите историю революции — никто лучше не напишет, поднесите ее государю и напишите: „Отпусти прегрешения молодости моей“» (Герцен. Т. 30. Кн. 1. С. 58–59).

⁵ Изложение истории с «Дикаркой» и гипотезу об авторстве Н. С. Лескова (не отрицающую возможности иного авторства) см.: Черемисинова Л. И. Фет и Лесков: один эпизод из истории журнала «Заря» // XX Фетовские чтения: Афанасий Фет и русская литература. Курск, 2006. С. 133–142. О возможном авторстве В. П. Буренина см.: Бочков В. Н. Кашпирев Василий Владимирович // Русские писатели. Т. 2. С. 522–523; Летопись (1867–1870). С. 199. Согласно комментарию Т. П. Головановой, автором «Дикарки» был Д. Д. Минаев (см.: ПССиП(2). Письма. Т. 9. С. 385; примеч. 7 к письму 2450). Последняя точка зрения поддержана в работе: Ипатова С. А. Кто же был автором акростиха «Дикарка», подписанного «А. Фет»? (мистификация как пародия) // Жанры в историко-литературном процессе: Сб. науч. статей. СПб., 2015. Вып. 6. С. 26–42.

18

18 (30) марта 1869 года. Штутгарт

30 марта 69.

Stuttgart. Ulrichstrasse, 17.

Любезнейший Иван Сергеевич, я только что кончил *длиннейшее* стихотворение: «Перед возвращением на родину» — 557 стихов, да еще другое, которое может быть напечатано в виде приложения к первому,¹ — 111 стихов, итого 668 стихов!! Страшно сказать, а прочесть еще страшнее. Несмотря на это, я решаюсь просить Вас не только прочесть всё это, но и сказать мне Ваше мнение.²

Следовательно, Вам придется не то что называется пробежать мои стихи. Обращаюсь к Вам потому, что я верю Вашему вкусу, пониманию и чутью и непременно желаю подвергнуться Вашей критике и Вас выслушать. Будьте только, пожалуйста, вполне откровенны. Не избегайте ни строгости, ни резкости в оценке. Я хочу узнать от Вас всю правду и воспользоваться ею. Неблагоприятные отзывы о произведении, уже напечатанном, гораздо чувствительнее авторскому самолюбию. Я начну теперь переписывать мои стихи, а куда прошу Вас меня уведомить:

свободны ли Вы теперь и могу ли я их Вам переслать? Так как литературный сезон уже на исходе, мне хотелось бы отослать поскорее свои стихи в печать. (Думаю послать их в «Отечественные записки».)³ А потому еще прошу Вас о том, чтобы Вы их недолго у себя задерживали.

Из того, что я намерен Вам послать, — если Вы это мне разрешите, — я уже прочел Вам первую главу и то, что теперь хочу напечатать в виде приложения. Всё остальное ново и написано мною в это последнее время, после нашего свидания в Карлсруэ.⁴ Итак, буду ждать с нетерпением Вашего ответа.

Дружески жму Вашу руку.

Моя жена Вам кланяется.

Алексей Жемчужников.

Мне очень жаль, что Одоевский умер. Это был хороший человек. Необходимо следовало бы помянуть его добром, хоть в нескольких строках, а «П<етер>бургские ведомости» перепечатали только известие о его смерти из «Московских ведомостей».⁵ Мне это не нравится!

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 29–30 об.

Опубликовано полностью (с неточностями): *Мостовская Н. Н. И. С. Тургенев и А. М. Жемчужников (по материалам неопубликованной переписки 1866–1869 гг.)*. С. 222–223.

Ответное письмо Тургенева от 23 марта (4 апреля) 1869 г. из Карлсруэ см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 192.

¹ См. о поэме «Перед возвращением на родину» и ее двух первых частях «Пророк и я», которые Жемчужников называет «приложением», во вступит. статье.

² В ответном письме Тургенев замечал: «Любезнейший Жемчужников, я сегодня только что вернулся из Парижа и уезжаю завтра в Веймар, где останусь с неделю. С 15-го апр<еля> до 22-го я здесь — а там опять до конца мая в Бадене. И потому, если Вы желаете иметь вскорости мое мнение о написанном Вами стихотворении — пошлите мне его в Веймар, Hotel zum Egbrünz — и я обещаюсь Вам выразить мое мнение с полной откровенностью и не задержать рукописи. А не то пришлите в Карлсруэ, через неделю» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 192).

³ См. примеч. 2 к следующему письму.

⁴ Когда состоялась встреча в Карлсруэ, неизвестно. О пребывании Тургенева в Карлсруэ см. примеч. 4 к письму 11.

⁵ *Одоевский Владимир Федорович* (1803–1869) умер в Москве 27 февраля (11 марта). Сообщение о его смерти не появлялось в «Московских ведомостях» — Жемчужников в данном случае ошибся. В № 47 газеты за 28 февраля ст. ст. (пятница) было помещено объявление о выходе следующего выпуска «по случаю Сырной недели» только во вторник, 4 марта. Пространный некролог Одоевского, подписанный криптонимом «М.», был помещен в газете 6 марта. Помимо сведений о выдающихся заслугах покойного и описания литургии и отпевания в церкви Неопалимой

Купины и похорон на кладбище Донского монастыря, в нем, в частности, отмечалось: «По желанию покойного похороны были самые скромные. Над знаменитейшим по происхождению русским человеком не было ни балдахина, ни родовых гербов. Но несмотря на то что никому не было послано приглашений и что по случаю праздничных дней, в которые газеты не выходили, не было и публичных извещений о его погребении, лучшее московское общество и многочисленные толпы народа собрались отдать последнее поклонение усопшему». Далее сообщалось: «Московский генерал-губернатор кн. В. А. Долгоруков, обер-гофмейстер кн. Н. И. Трубецкой, сенаторы, обер-прокуроры, придворные чины, члены судебного ведомства, городской думы, ученые, литераторы, профессора, ученики и ученицы музыкальной консерватории собрались на вынос тела покойного». Некролог заканчивался проникновенными словами: «Чистый сердцем, незлобивый, любвеобильный человек отошел. В земной жизни добро он делал многим, зла никому» (*МВед.* 1869. 6 марта. № 50. С. 3). Извещение о смерти и погребении Одоевского в «Санкт-Петербургских ведомостях» было опубликовано 3 (15) марта: «В Москве скончался гофмейстер двора Его Императорского Величества, сенатор князь Владимир Федорович Одоевский. Друзья и знакомые князя сим извещаются, что заупокойная панихида и литургия по усопшем будут совершены в церкви Министерства народного просвещения в доме шестой гимназии, у Чернышева моста. Служба начнется в 11-м часу, 5 марта, в среду» (1869. № 61. С. 2).

Тургенева связывало с Одоевским многолетнее знакомство. В частности, о своей встрече с ним в 1838 г. он вспоминал в очерке «Литературный вечер у П. А. Плетнева». Работа над очерком, обещанным П. И. Бартеневу в «Русский архив», шла как раз в феврале — марте 1869 г., к концу марта очерк был вчерне написан (см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 328). Некрологическая интонация ощущается поэтому в небольшом фрагменте очерка, посвященном Одоевскому: «...наконец, наш добрейший и незабвенный князь Одоевский. Этого описывать нечего: всякий помнит его благообразные черты, таинственный и приветливый взгляд, детски милый смех и добродушную торжественность...» (Там же. С. 14). П. И. Бартеневу 9 (21) марта 1869 г. Тургенев писал: «Итак, князь В. Ф. Одоевский скончался! Очень мне жаль этого отличного человека» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 9. С. 179). Алексей Жемчужников был также хорошо знаком с Одоевским. Общество любителей российской словесности 13 апреля 1869 г. почтило память своего действительного члена (с 1833 г.) заседанием, на котором председатель Общества А. И. Кошелев, в частности, сказал: «Так недавно князь Одоевский был между нами; так молод и свеж он был душою и умом; так юношески он любил человечество и каждого из своих собратьев <...> Отличительным свойством князя Одоевского было то, что он прежде и более всего был человек, брат всякого человека. Узнавать все до человечества относящееся и могущее быть для него пригодным; действовать на пользу своих братьев и помогать ближнему и советом и делом и своими небольшими достоинствами — было делом всей его жизни. <...> Он глубоко, благоговейно уважал свободу всякого человека и никогда не позволял себе рыться в чужой совести. В самых искренних беседах он никогда и ни о ком не говорил дурно <...>» (В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском. Заседание Общества любителей российской словесности, 13 апреля, 1869 года. М., 1869. С. 2–3).

27 марта (8 апреля) 1869 года. Штутгарт

8 апреля 69.
Stuttgart. Ulrichstrasse, 17.

Благодарю Вас, любезный Иван Сергеевич, за Вашу готовность прочесть мои стихи и сказать свое откровенное мнение.¹ Когда Вы воротитесь в Карлсруэ, я сам приеду к Вам и попрошу Вас посвятить мне час времени, чтобы выслушать мои стихи и поговорить о них. Я нашел необходимым поторопиться отсылкою их к Некрасову.² Но так как они могут быть напечатаны не прежде первых чисел мая, — если будут напечатаны, — то я во всяком случае успею сообщить Некрасову те поправки, которые, может быть, найду необходимым сделать, выслушав Ваше мнение. Потрудитесь уведомить меня о Вашем приезде в Карлсруэ *сейчас же*. Лучше всего телеграммой.³

После 15-го мы собираемся в Италию, где намерены провести май. Я чувствую непрременную потребность прочесть Вам мои стихи и затем уже отправиться в Италию. Моя жена Вам кланяется. Наталья Николаевна⁴ также. Дружески жму Вашу руку. До свидания.

Алексей Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 31–32.

Ответное письмо Тургенева от 2 (14) апреля 1869 г. из Карлсруэ см.: *ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 193–194.

¹ См. примеч. 2 к предыдущему письму.

² Жемчужников отправил поэму Некрасову 24 марта (5 апреля); см. подробнее во вступит. статье.

³ Тургенев отвечал 2 (14) апреля: «Любезный Жемчужников, я вчера только вернулся из поездки в Веймар (во всех отношениях удачной и занимательной) — и спешу известить Вас, сообразно с Вашим желаньем, что мне очень будет приятно увидеть Вас и услышать Ваше новое произведение *послезавтра*, в пятницу. Завтра я должен съездить в Баден» (*ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 193–194). Сведений, подтверждающих факт встречи, обнаружить не удалось.

⁴ Н. Н. Рашет.

6 (18) мая 1869 года. Невишатель, Флерье

18 мая 69. Suisse.
Canton de Neuchâtel. Fleurier.
Maison Ströle.

Прилагаемое при этом письмо жена моя просила Вас, любезный Иван Сергеевич, доставить Н. Н. Рашет. По нашему предположению, она находится теперь в Бадене. Если же она из Бадена уже выехала, то Вы без сомнения знаете, где она теперь находится, и в таком случае потрудитесь это письмо ей переслать.¹ Обращаемся к Вашему посредству потому, что, не имея никакого известия от Н<атальи> Николаевны, мы полагаем, что письма моей жены могли до нее не дойти.

Мы поселились удобно и в хорошей местности (Val-de-Travers) недалеко от Не<в>шателя.² Близ нас лежит деревня Môtiers, в которой жил Руссо. По этому случаю я перечел его Confessions.³ Воспоминание о нем здесь еще живо. Еще живы старики и старухи, выдавшие его.⁴ Я ходил по тем местам, где он любил гулять. Вообще же предаваться дальним и продолжительным прогулкам теперь неудобно, потому что погода дурна.

Некрасов, находящийся теперь в Париже, куда было ему переслано из П<етер>бурга мое стихотворение, не принимает его в «От<ечественные> записки».⁵

Отозвавшись о нем в выражениях весьма лестных и, я думаю, искренних, потому что он определяет хорошие стороны стихотворения, он выражает мнение, что «полемический характер поэмы едва ли не послужит препятствием к напечатанию ее в каком-либо журнале».⁶ Что тут делать? Придется предать ее забвению, а не печати. Особой брошюрой напечатать ее без цензуры нельзя, потому что такие брошюры должны заключать в себе по закону не менее 10 листов; а подвергнуть ее цензуре значило бы, по словам Некрасова, *хуже чем ее уничтожить*. Он мне советует приступить осенью к изданию собрания моих стихотворений (и предлагает^a мне в этом помочь), куда и можно будет поместить удобно последнее стихотворение.⁷ Но я в эту осень еще не собираюсь возвратиться в Россию. Издание же моих стихотворений не может быть сделано без меня, потому что мне надо их собрать, а потом я хочу их про-

^a Слово вписано над [нрзб.]

смотреть, исправить и просеять, так сказать, сквозь мелкое сито.⁸ Уведомляя Вас о моей неудаче, признаюсь Вам, что она возбуждает во мне немалую досаду.⁹ — Пожалуйста, пришлите мне Ваши «Воспоминания о Белинском»¹⁰ и, если можно, те книжки «Вестника Европы», которые Вам не нужны. *Январскую книжку мы уже прочли.*¹¹

Я и жена моя дружески жмем Вам руку. Будьте здоровы. Засвидетельствуйте мое почтение Mme Viardot и всему семейству. Очень сожалею, что последний раз не удалось мне быть у них в Carlsruhe¹² и проститься. Скоро ли Вы едете в Россию?¹³

А. Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 33–34 об.

Ответное письмо Тургенева от 18 (30) мая 1869 г. из Баден-Бадена см.: *ПССиП(2)*. Письма. Т. 9. С. 216–217.

¹ В ответном письме Тургенев сообщал: «...вложенное Вами письмо я передал г-же Рашет тогда же — и она, вероятно, ответила Вам аккуратнее моего: живет она здесь в „Beau séjour“ и останется еще две недели» (*ПССиП(2)*. Письма. Т. 9. С. 216). Письмо Е. А. Жемчужниковой к Н. Н. Рашет неизвестно.

² Невшатель (*франц.* Neuchâtel, *нем.* Neuenburg) — швейцарский кантон, расположенный в области Val-de-Travers.

³ Руссо Жан-Жак (1712–1778), изгнанный из Женевской республики, около трех лет прожил в живописном предгорном местечке Мотье в Невшательском (Ноебургском) княжестве, покинув его в 1765 г. «Confessions» («Исповедь» — *франц.*), опубликованный после смерти Руссо автобиографический роман (1766–1769).

⁴ В следующем письме этот свой исторический «вздор» Жемчужников исправил.

⁵ Некрасов переехал из Висбадена в Париж в середине апреля 1869 г. (см.: *Некрасов. Летопись*. Т. 3. С. 121). Далее Жемчужников пересказывает Тургеневу два полученных им от Некрасова письма — от 22 апреля (4 мая) и от 2 (14) мая 1869 г. (см.: *Некрасов*. Т. 15. Кн. 1. С. 91–92, 98–99). Речь в письмах шла о поэме «Перед возвращением на родину», полный текст которой Некрасов получил от М. Е. Салтыкова. Последний писал ему 5 (17) апреля 1869 г.: «Посылаю Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, сейчас полученные мной, адресованные на Ваше имя письмо и поэму Жемчужникова. Я телеграфировал ему (на его счет) ваш парижский адрес. Поэму я читал; некоторые места, которые кажутся мне неудобными в цензурном смысле, отметил. Мне несколько странно кажется идея поэмы: полемизировать с Катковым и „Вестью“. Есть место, где „Весть“ может привлечь автора к суду. Прочитайте и, буде случай найдется, объяснитесь с автором, к<отор>ый тоже едет в Италию» (*Щедрин*. Т. 18. Кн. 2. С. 15). Жемчужников писал о поэме Некрасову 24 марта (5 апреля): «Теперь я с Вами совершенно согласен, что отрывки прошлого года печатать не следовало. Но что Вы скажете о целом?» (*Жемчужников А. М.* Письма к Некрасову. С. 280).

⁶ Некрасов отвечал Жемчужникову 22 апреля (4 мая) 1869 г.: «Поэму Вашу прочел несколько раз. В ней есть очень хорошие места, особенно вся вторая половина;

в негодовании много искренности и есть сила. Но полемический характер поэмы едва ли не послужит препятствием к напечатанию ее в каком-либо журнале. Вообще я думаю, что Вам надо было бы приехать в Россию, пообжиться в родном воздухе — и тогда Вы, полагаю, увидели бы, что подобную вещь следует пускать в печать не иначе как особой брошюрой или в собрании стихотворений Ваших (которые, истинно скажу, теперь самое бы время Вам выпустить, — оно было бы встречено известной частью журналистики с несомненным сочувствием). Скажу еще: Вы не согласны исключить ничего, кроме 4-х стихов, но при печатании теперь поэмы в журнале пришлось бы исключить гораздо более. У нас времена теперь нехороши <...>. — Салтыков, разделяя мое мнение о неудобстве многих мест, между прочим, замечает, что „Весть“ может притянуть Вас к суду» (*Некрасов*. Т. 15. Кн. 1. С. 91–92).

⁷ В письме от 2 (14) мая 1869 г. Некрасов продолжал разговор о поэме Жемчужникова: «Вы забыли, многоуважаемый Алексей Михайлович, что по законам о печати без цензуры нельзя выпустить книгу *объемом менее 10-ти листов*, стало быть о выпуске поэмы отдельной брошюрой нечего и говорить, ибо подвергнуть ее цензуре значило бы хуже чем уничтожить. / Мое мнение: время для нее не уйдет, так как ее цель — характеристика известного периода, во всяком случае ставшего уже до некоторой степени прошедшим, а не нападение на Каткова, за какое она была бы принята многими, если б явилась в журнале или даже отдельной брошюрой. Понимаете теперь, почему я думаю, что ей всего выгоднее явиться между другими Вашими произведениями. Так, поверьте, и следует поступить. Если свидимся нынче зимой или осенью в Петербурге, то я берусь доставить Вам средство для напечатания собрания Ваших стихотворений без затраты денег и без всякого ущерба относительно того, что издание может Вам принести. Пришлите мне 2-ое прибавление, мне будет любопытно его прочесть <...>» (*Некрасов*. Т. 15. Кн. 1. С. 98).

⁸ Стихотворения, поэмы и пьесы были собраны и изданы автором значительно позднее; см.: Стихотворения А. М. Жемчужникова: В 2 т. СПб., 1892.

⁹ О реакции Некрасова Тургенев писал Жемчужникову 18 (30) мая 1869 г.: «Мне очень жаль, что Некрасов не принял Вашей поэмы; видно, этот кулак нашел ее делом „неподходящим“. / Хорошо бы было, если б Вы точно собрали и напечатали все Ваши стихотворения: я уверен — общая физиономия Вашего таланта через это бы выиграла, определившись яснее и полнее. Но не берите в помощники Некрасова: Вы, кажется, не нуждаетесь в его деньгах — а он непременно или надует Вас или напакостит Вам. Это — своего рода Петрушка, который не может нигде пройти, не оставив своего запаха» (*ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 217). В следующем письме от 30 мая (11 июня) Тургенев добавлял: «Мне бы весьма хотелось, чтобы Вы издали собранные Вами стихотворения; но при этом деле оставьте обер-жулика Некрасова в стороне» (Там же. С. 227).

¹⁰ О «Воспоминаниях о Белинском» см. примеч. 3 к письму 16.

¹¹ В ответном письме от 18 (30) мая Тургенев писал: «Я бы Вам немедленно выслал „Вестник Европы“ — но, не будучи уверен, что Вы остаетесь в Fleurig (г-жа Рашет говорила о Вашем намерении перебраться в Тироль), подожду Вашего извещения — и тотчас отправлю» (*ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 216–217). Январская книжка «Вестника Европы» открывалась публикацией первой части романа Гончарова «Обрыв», здесь же продолжал печататься роман Б. Ауэрбаха «Дача на Рейне».

¹² Видимо, речь идет о ранее упомянутой Жемчужниковым встрече с Тургеневым в Карлсруэ и чтении начала поэмы «Перед возвращением на родину» (см. письмо 18 и примеч. 4 к нему).

¹³ Тургенев писал в ответном письме: «Путешествие мое в Россию всё затягивается — пожалуй, придется отложить до осени. А может быть, я вдруг уеду скорее, чем думаю. Во всяком случае жду от Вас слова» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 217). А в письме от 30 мая (11 июня) сообщал Жемчужникову: «...вследствие довольно странного припадка (левая рука у меня вдруг на 5 минут отнялась), Гейлигенталь, аускультировавший меня, объявил мне, что у меня болезнь в сердце — хроническое воспаление каких-то клапанов — и запретил мне есть, пить, ходить и ездить, притирает меня йодом и кормит дигиталой. Путешествие мое в Россию кануло в воду — и я сижу теперь здесь, как истукан, и буду сидеть неопределенное время» (Там же. С. 226–227).

21

26 мая (7 июня) 1869 года. Невшатель, Флерье

7 июня 69. Suisse.
Canton de Neuchâtel. Fleurier.
Maison Ströle.

Спасибо Вам, любезнейший Иван Сергеевич, за Ваше письмо.¹ Мы недавно воротились из путешествия по некоторым частям Швейцарии. Я остался очень доволен Интерлакеном, ледниками, громом и видом падающих снежных лавин и проч. и проч.² В Hôtel Victoria (Interlaken) съехался с Некрасовым и много с ним беседовал.³ Он очень хвалит мои стихи, но все-таки их не берет,⁴ на чем я, впрочем, нимало не настаивал. Получил от него экземпляр последнего издания его стихотворений.⁵ Он едет в Kissingen.⁶ Огорчен выходками против него в печати. Впрочем, всё это для Вас неинтересно.⁷

Мы собираемся сделать вскоре прогулку по Итальянской Швейцарии, нам еще неизвестной. Не дадите ли Вы по этому поводу какого-либо совета? Вы везде бывали. Время отъезда нашего отсюда еще не определено. Весь июнь, вероятно, пробудем еще здесь; а потому, если возможно, пришлите, пожалуйста, сюда Ваши воспоминания о Белинском или самый «Вестник Европы»,⁸ если это не очень Вас затруднит. При этом напишите, через сколько времени следует его Вам возвратить. Прочли ли Вы 5-й том «Войны и мира»? Я еще его не видал.⁹ У меня на совести одна грубая ошибка, которую тороплюсь исправить. Не сообразив дела как следует, я со слов одного здешнего приятеля написал Вам, что в Fleurier живы еще некоторые люди, видевшие Руссо. Это, разумеется,

вздор.¹⁰ Есть люди, слышавшие разные рассказы о Руссо от других людей, помнивших его очень хорошо, но, конечно, уже умерших.

Здесьняя газета «*Courier de Val-de-Travers*» повествует о следующем событии: «Un fait, dont les conséquences auraient pu être très graves, est survenu à Fleurier le samedi 15 mai. Le balcon d'une des maisons les mieux construites du village s'est écroulé subitement dans le courant de la journée. Peu d'instantes auparavant des membres de la famille étrangère qui occupent cette maison avaient été aperçus stationnant sur le balcon et sur le perron situé au dessous. Un hasard providentiel les a donc préservés. La pierre du balcon était de roc et sa solidité n'avait jamais été mise en doute».^a¹¹

Этот дом — наш! Эти иностранцы — мы! Действительно мы стояли и сидели постоянно на этом балконе! Передайте это интересное для нас событие Наталье Николаевне.

Я и жена моя дружески жмем Вашу руку. Будьте здоровы и нас не забывайте.

Алексей Ж<емчужников>.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 35–36 об.

Ответное письмо Тургенева от 30 мая (11 июня) 1869 г. из Баден-Бадена см.: *ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 9. С. 226–227.

¹ Письмо от 18 (30) мая 1869 г.; см. примеч. к предыдущему письму.

² Интерлакен (*нем.* Interlaken) — курорт в Швейцарии, находящийся в замкнутой высокими горами котловине.

³ Некрасов уехал из Парижа в Интерлакен 5 (17) мая и жил там до середины (конца) июня 1869 г. (см.: *Некрасов. Летопись*. Т. 3. С. 129, 133, 137).

⁴ Речь идет о поэме «Перед возвращением на родину»; см. выше.

⁵ В 1869 г. были изданы: Стихотворения Н. Некрасова. Ч. 1–2. 5-е изд.; Ч. 3 <2-е изд.>; Ч. 4 <1-е изд.>. В 4-ю часть вошли стихотворения 1865–1868 гг., ранее не печатавшиеся. Жемчужников, судя по текстам, которые он цитирует в следующем письме (см. письмо 22), получил в дар 4-ю часть некрасовских «Стихотворений».

⁶ Из Интерлакена Некрасов в середине июня уехал в Соден, затем 21 июня (3 июля) в Киссинген (см.: *Некрасов. Летопись*. Т. 3. С. 137, 138).

⁷ В начале 1869 г. с обвинениями против Некрасова, возобновившего в 1868 г. редакторскую деятельность в «Отечественных записках», в журнале «Космос» вы-

---

^a «Случай, последствия которого могли быть очень серьезны, произошел во Флерье, в субботу 15-го мая. Днем балкон одного из лучших домов в деревне неожиданно обрушился; за несколько мгновений до этого на балконе, а затем на крыльце под ним находились члены одной иностранной семьи, которая нанимала этот дом. По счастливой случайности, они избежали гибели. Балкон был сооружен из скалистого камня и в прочности его не приходилось сомневаться» (*франц.*).

ступил М. А. Антонович. В начале марта в продажу поступила брошюра-памфлет Антоновича и Ю. Г. Жуковского «Материалы для характеристики современной русской литературы» (СПб., 1869; см.: Некрасов. *Летопись*. Т. 3. С. 112 и след.). В ней содержались намеки на «муравьевскую» историю и были высказаны обвинения в измене Некрасова принципам «Современника». В поддержку Некрасова с резкой отповедью авторам «Материалов...» выступили М. Е. Салтыков и Г. З. Елисеев (*ОЗ*. 1869. № 4), а позднее и некоторые другие литераторы некрасовского круга. Салтыков писал Некрасову из Петербурга 18 (30) апреля, имея в виду Антоновича: «Для меня ясно, что все, что ни напишет этот негодяй, будет клевета и притом сознательная, но, во всяком случае, это так отвратительно, что просто бежал бы из этого нужника, называемого (ошибочно) русской литературой» (*Щедрин*. Т. 18. Кн. 2. С. 19).

Тургенев о «выходках печати» против Некрасова прекрасно знал. Он получал и читал «Космос», и статьи Антоновича им были прочитаны, о чем он писал Я. П. Полонскому 27 февраля (11) марта 1869 г.: «Сейчас получил последний № „Космоса“, в котором Антонович на нескольких страницах тяжело и пошло возится с Коршем, Некрасовым. Господи! что за барахтанье в грязи! хоть бы зло было!» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 169). Герцен писал Тургеневу 11 (23) марта 1869 г.: «Видел ли ты, как „Космос“ начинает заголять Некрасову спину, чтоб пороть за воровство, мошенничество? — Немезида — как следствие былого — все-таки свое возьмет» (*Герцен*. Т. 30. Кн. 1. С. 66). Как автор «Воспоминаний о Белинском» сам Тургенев был одним из участников «выходок печати» против Некрасова (см. подробнее во вступит. статье).

⁸ О публикации «Воспоминаний о Белинском» см. примеч. 3 к письму 16. На просьбу Жемчужникова Тургенев отвечал: «Посылаю Вам мою статью о Белинском — и прошу ее возвратить недели через две» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 227).

⁹ На этот вопрос Жемчужникова Тургенев ответил резко: «Г-на Толстого „Война и мир“ я прочел, есть вещи гениальные, есть — возмутительные. В своем поклонении бессознательному невежеству („vous êtes orfèvre, Mr Josse“ («вы ювелир, г-н Жосс» — *франц.*)) он скоро дойдет до апофеозиса Ивана Яковлевича, московского юридивого» (Там же). Речь шла о первом отдельном 6-томном издании «Войны и мира», печатавшемся в Москве в 1867–1869 гг. Пятый том романа поступил в продажу в конце февраля, шестой — в начале декабря 1869 г. (см.: *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого: 1828–1890. М., 1958. С. 360, 366). За печатанием романа Тургенев внимательно следил, читая том за томом по мере их публикации и остро реагируя на прочитанное в письмах к своим постоянным корреспондентам — Анненкову, Боткину, Фету, Полонскому, Борисову. Так, в ожидании выхода пятого тома Тургенев писал Борисову 12 (24) февраля 1869 г.: «Очень радуюсь известию о скором выходе V-го тома „Войны и мира“; при всех своих слабостях и чудачествах, при всем даже своем вранье, Толстой — настоящий гигант между остальной литературной братьей — и производит на меня впечатление слона в зверинце: несладко, даже нелепо — но огромно — и как умно! Дай бог написать ему еще двадцать томов» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 146). Прочитав пятый том, он признавался тому же корреспонденту в письме от 18 (30) июня, что читал роман «со смесью противоположных чувств»: «Что хорошо в этом романе — то удивительно, а что плохо или слабо или с претензией — все-таки не скучно и даже в известном смысле интересно — как уродничание гениального человека» (Там же. Т. 10. С. 16). Не принимая в «Войне и мире» «исторической прибавки» («кукольная

комедия и шарлатанство») и «так называемой „психологии“» («колебания, вибрации одного и того же чувства», «quasi-тонкие рефлексии и размышления»), о чем он писал Анненкову 14 (26) февраля 1868 г., Тургенев вместе с тем признавал: «...есть в этом романе вещи, которых, кроме Толстого, никому в целой Европе не написать и которые возбудили во мне озноб и жар восторга» (Там же. Т. 8. С. 129). См. отзывы о «Войне и мире» в письмах Тургенева 1868–1869 гг.: Там же, письма 2184, 2205, 2238, 2254; Т. 9, письма 2480, 2501, 2534.

¹⁰ См. письмо 20.

¹¹ Перевод этого французского фрагмента письма цит. по: ПССУП(2). Письма. Т. 9. С. 417, примеч. 1 к письму 2536.

22

10 (22) июня 1869 года. Невшатель, Флерье

22 июня 69. Canton de Neuchâtel.
Fleurier. Maison Strôle.

Очень благодарю Вас, любезный Иван Сергеевич, за Ваши воспоминания о Белинском. Я прочел их с большим интересом. Не будет ли еще каких-либо подробностей и дополнений? Не вспомните ли Вы еще чего-нибудь о Белинском и вообще о том времени? Интерес, возбуждаемый Вашей статьей, таков, что хотелось бы еще и еще. Еще других характеристических черт, анекдотов, критических взглядов, выводов, сравнений с настоящим и проч.! И хотелось бы всё это еще слышать собственно от Вас. Вы — крупный и притом *цельный* представитель того времени, — не подточенный, не урезанный, не разочарованный, не повернувшийся к нему задом. — Вы, наверно, еще преисполнены мыслей и материалов.

Я на этих днях еду в Franzensbad¹ к больной племяннице Оболенской² и не знаю, сколько времени там останусь. Жена моя еще остается в Fleurier. Если Вы вздумаете написать мне несколько строк, адресуйте все-таки сюда, в Fleurier. И мне и жене моей очень хотелось бы знать, в каком положении теперь Ваше здоровье, и мы будем Вам очень благодарны, если Вы нас уведомите об этом.³

Я перечел все стихи Некрасова от доски до доски.⁴ По моему мнению, есть вещи очень хорошие, и вообще Некрасов имеет свой собственный, неотъемлемо ему принадлежащий букет, что очень важно; но зато есть вещи чрезвычайно слабые. Странное дело; иногда он вышайается до поэтических вершин, до красоты в слове; а иногда тяжело и неуклюже ходит, увязая, по какому-то болоту, и это часто происходит не от свойства мыслей и *сюжета*, а от размера, которым он пишет. Он любит такие размеры, которые или затрудняют свободный ход его мысли,

или кладут на нее печать какой-то вульгарности и прозаической растянутости; след<овательно>, он с этими размерами не мог сладить. Красивой легкости он лишен вовсе. «Наш помещик Пантелеев — Век играл, мотал и пил, — А крестьянин Федосеев — Век трудился и копил»... или: «Взвилась ножка вправо, — Мы вправо... берегись! — Не вывихни сустава, — Приятель... Фор! bis!...». Ведь это плохие куплеты каких-нибудь каратыгинских водевилей!⁵ — Крепко жму Вам руку.

А. Ж.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 37–38 об.

Ответное письмо Тургенева неизвестно.

¹ Франценсбад (*нем.* Franzensbad) — австрийский курорт с лечебными источниками и грязями, основанный в 1743 г.; ныне: Франтишкови-Лазне (Чехия).

² См. о ней примеч. 5 к письму 1 и упоминания в письмах 2, 7, 10, 16.

³ О «болезни в сердце» Тургенев писал Жемчужникову 30 мая (11 июня) 1869 г.; см. примеч. 13 к письму 20.

⁴ О подаренном Жемчужникову Некрасовым последнем издании его стихотворений см. в письме 21 и примеч. 5 к нему. О его отношении к творчеству Некрасова см. во вступит. статье.

⁵ Жемчужников цитирует стихотворения Некрасова, вошедшие в 4-ю часть его «Стихотворений», изданных в 1869 г. В первом примере он ссылается на некрасовский цикл «Песни о свободном слове» (1865–1866), цитируя начальные строки 3-й песни из 7-го раздела цикла — «Осторожность» (см.: *Некрасов*. Т. 2. С. 224). Вторая цитата — из сатиры «Балет» (1866); ср. у Некрасова две последние строфы «куплетов», которые, танцуя под музыку, поет «театрал», персонаж сатиры: «Вот выпорхнула дева, / Бинокли поднялись; / Взвилась ножка влево — Мы влево подались; / Взвилась ножка вправо — / Мы вправо... „Берегись! / Не вывихни сустава, / Приятель!..“ — Фор! bis!» (Там же. С. 238). Упреки Жемчужникова едва ли справедливы. В своих сатирических зарисовках Некрасов действительно использует куплетную ритмику, создавая в «Песнях о свободном слове» хор «песенных» гологов (см. о поэтике цикла: Там же. С. 418) и непосредственно включая «куплеты» в фельетонный «Балет». *Каратыгин Петр Андреевич* (1805–1879) — актер и драматург, автор многочисленных пьес и водевилей, имевших большой сценический успех.

23

20 октября (1 ноября) 1869 года. Висбаден

1 ноября 1869. Wiesbaden.
Rheinstrasse, 13.

Любезный Иван Сергеевич, давно мы друг другу не писали. Здоровы ли Вы теперь? Правда ли, что Вам доктор запретил ходить на охоту?¹

Где Вы проведете зиму: в Бадене или в Карлсруэ? Мы поселились на зиму в Висбадене. Жизнь дорога; но здесь есть много хорошего. Опера весьма недурна и по исполнению и по выбору музыки. Имеются в виду серьезные и интересные симфонические концерты. — Итак, надеюсь наслаждаться в этом году музыкой более, чем в Штутгарте прошлого года. — А В. П. Боткин, который был так способен наслаждаться и который так умел пользоваться своею богатою способностью, — уже кончил.² Мне было очень грустно, когда я прочел в газетах известие о его смерти, и мне понадобилось поделиться с Вами этим грустным чувством. Пожалуйста, напишите мне несколько слов. Я иногда очень сожалею, что нахожусь далеко от Вас. Бывают минуты, когда так бы хотелось потолковать с Вами.

Наталья Николаевна Рашет пишет моей жене, что она покидает Париж и на пути в Россию намерена заехать в Висбаден, чтобы повидаться с нами. — У нас холодно. Три дня лежал снег на траве и на деревьях, еще покрытых зелеными листьями. Сегодня идет дождь, а вчера в 6-м часу вечера было здесь землетрясение, которое повторилось в 4 часа ночи. Последнего я не чувствовал, а первое мы все ощутили. Наш дом покачнулся по направлению к северу, а потом воротился на прежнее место. Надо надеяться, что это явление более не повторится. Не было ли и у вас чего-нибудь в этом роде?³ — Дружески жму Вашу руку, и моя жена также. Будьте здоровы и благополучны. Передайте мое почтение Madame Viardot и всему семейству.

Преданный Вам Алексей Жемчужников.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5813. Л. 39–40 об.

Ответное письмо Тургенева от 22 октября (3 ноября) 1869 г. из Баден-Бадена см.: *ПССуП(2)*. *Письма*. Т. 10. С. 70–71.

¹ «У меня решительно расклеилось что-то в сердце — и на жаркие летние охоты мне запрещено ходить», — отвечал Тургенев (*ПССуП(2)*). *Письма*. Т. 10. С. 71).

² В. П. Боткин умер в Петербурге 10 (22) октября 1869 г. Тургенев в ответном письме так откликнулся на замечание Жемчужникова: «Да, батюшка, В. П. Боткин приказал долго жить. Эта смерть потому особенно нелогична — что не было человека, который бы лучше умел наслаждаться жизнью. С другой стороны, так как все члены уже отказались ему служить, окончательное разрушение, пожалуй, логично — и во всяком случае для него было освобождением. Человек был замечательный: несмотря на многие недостатки — русский тип» (Там же).

³ «Землетрясения у нас никакого не было <...>», — отвечал Тургенев (Там же).